

Зыковы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Зыковы. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Зыков, Антипа Иванов, лесопромышленник.

Софья, сестра его, вдова.

Михаил, сын.

Целованьева, Анна Марковна, мещанка.

Павла, дочь её.

Муратов, лесничий.

Хевеин, компаньон Зыкова.

Шохин.

Тараканов.

Стёпка, девчонка-подросток.

Палагея.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

У Целованьевых. В скучной комнате небогатого мещанского дома посредине приготовлен стол для чая, у стены между дверью в кухню и в комнату Анны Марковны другой стол с вином и закусками. Направо у стены маленькая фисгармония, на ней рамки с фотографиями, засушенные цветы в двух вазах; на стене много открыток и акварель: Павла в костюме монастырской клирошанки. Два окна на улицу, в палисадник. Целованьева, чистенькая, гладкая женщина за сорок, - у чайного стола; она заметно взволнована, часто смотрит в окна, прислушивается, ненужно передвигает чашки. Софья задумчиво ходит по комнате, в зубах - погасшая папироса.

Целованьева (вздыхая). Загулялись...

Софья (взглянув на часы в браслете). Да...

Целованьева. А что же это вы, Софья Ивановна, замуж не выходите?

Софья. Человека нет по душе. Найдётся - выйду.

Целованьева. В глухом нашем месте - мало интересных мужчин...

Софья. Интересные-то нашлись бы! Серьёзного человека трудно встретить...

Целованьева. У вас у самой, извините, характер серьёзный, вроде бы - мужской; вам бы взять мужчину тихого...

Софья (нехотя). А на что он, тихий? Мышей ловить?

(Целованьева смущённо улыбается, видно, что ей неловко с этой женщиной, она не знает, о чём беседовать с нею.)

Софья (хмурясь, спрятав руки за спину, исподлобья смотрит на неё). Кто это, скажите, пустил про Пашу слух... что она - блажененькая?

Целованьева (торопливо, негромко, оглядываясь). А это всё покойник муж... ну, и я тоже поддерживала, чтобы не очень интересовались люди. Пашенька всегда была прямая такая, что думает, то и говорит, - кому это может нравиться? Ну, вот... а он, муж-то, подозрение имел, что Паша не его дочь...

С о ф ь я. Разве?

Ц е л о в а н ь е в а. Как же! Это ведь всем известно; он, бывало, выпимши, везде кричит... Ревновал он меня к одному... сектант был тут...

С о ф ь я. Отец Шохина?

Ц е л о в а н ь е в а. Вот и вы знаете.

С о ф ь я. Без связи с вашим именем. Просто знаю – был сектант, человек гонимый.

Ц е л о в а н ь е в а (вздыхая). Ну, уж где, чать, без связи! (Тихонько.) Гонимый... (Быстро взглянув на Софью.) Он, покойник...

С о ф ь я. Шохин?

Ц е л о в а н ь е в а. Муженёк мой... Он, бывало, глядит-глядит на неё, да вдруг и зарычит: "Не моя дочь! Я – человек подлый, ты – это я баба глупая, – не моя это дочь!"

С о ф ь я. Кривлялся немножко?

Ц е л о в а н ь е в а. Бог его знает...

С о ф ь я. Бил вас?

Ц е л о в а н ь е в а. Уж конечно! Да я – что? А за Пашу очень боязно было. Ведь это я кое-как обошла его, в монастырь-то спрятала её, Пашу... Ведь у меня, кроме её, никаких надежд...

П а л а г е я (в двери из кухни). Идут!

Ц е л о в а н ь е в а. Ой, что ты, бес, пугаешь! Недруги, что ли, идут? Чего тебе?

П а л а г е я. Нести самовар?

Ц е л о в а н ь е в а. Скажут, когда надо. Ступай!

М и х а и л (чуть-чуть выпивши, разморён жарой, на безбородом лице усталая улыбка). Ты что, баба, заткнула дверь? Убери свои окрестности.

(Ущипнул её – Палагея ахнула. Михаил смеётся всхлипывающим смехом; Целованьева обиженно поджала губы; Софья около фисгармонии, нахмурясь, смотрит на племянника.)

М и х а и л (идя к столу). Жарко, наречённая мамаша!

Ц е л о в а н ь е в а (бормочет). Ну – где же ещё... какая же мамаша? (Громко.) Палагея у нас придурковата...

М и х а и л. Кто?

Ц е л о в а н ь е в а. Женщина эта.

М и х а и л. Ага! Только она, одна? Это я запомню.

(Идёт к столу с закусками. Софья пробует фисгармонию в басах.)

Ц е л о в а н ь е в а (беспокойно). Зачем же запоминать?

С о ф ь я. Он шутит, Анна Марковна.

Ц е л о в а н ь е в а. Ох, плохо я понимаю эти шутки...

П а л а г е я (из кухни). Мужик верхом приехал...

С о ф ь я. Это – Шохин. Анна Марковна – это ко мне...

Ш о х и н (в двери). Шохин пришёл.

С о ф ь я (строго). Я бы вышла к тебе, Яков!

Ш о х и н (кланяясь). Ничего! Доброго здоровья.

Ц е л о в а н ь е в а (отходит к окну). Вы не стесняйтесь...

С о ф ь я (Шохину). Ну, что?

Ш о х и н. Велел сказать, что напишет письмо.

С о ф ь я. Больше ничего?

Ш о х и н. Ничего.

С о ф ь я. Спасибо.

(Записывает что-то в книжечку на поясе. Михаил, подмигивая на Анну Марковну, наливает Шохину стакан водки; тот, украдкой, выпивает, морщится.)

М и х а и л. Отчего ты, Яков, всегда такой угрюмый?

Ш о х и н. Жалованья мало получаю. Софья Ивановна, у меня к тебе слово есть.

С о ф ь я. Что такое?

Ш о х и н (подходя). Лесничий этот вчера говорил машинисту нашему, что-де всех нас, за наше хозяйство, под суд сажать надо, дескать, от нас реки мелеют и вся земля портится...

С о ф ь я. Ну, – иди...

М и х а и л. Иди, раб!

Ц е л о в а н ь е в а. Это он про лесничего говорил?

С о ф ь я. Да.

Ц е л о в а н ь е в а. Строгий господин. Со всеми – ссорится, со всеми – судится, а сам всегда выпимши и, кроме карт, никаких удовольствий не признаёт. Холостой, должность хорошая – женился бы! Не любят теперь семейной жизни.

М и х а и л. Как – не любят? А – я? Вот я женюсь...

Ц е л о в а н ь е в а. Вы – конечно... Вам – папаша велел.

(Неволью вырвавшееся слово смутило её, она невнятно бормочет что-то и быстро идёт в кухню.)

С о ф ь я (Михаилу). Ты ведёшь себя совершенно неприлично.

М и х а и л. Ну? Не буду больше. Тебе нравится невеста?

С о ф ь я. Девушка красивая, простая... доверчивая. А тебе?

М и х а и л. Мне даже немножко жалко её, – какой я ей муж?

С о ф ь я. Это ты – серьёзно?

М и х а и л. Не знаю. Кажется – серьёзно.

С о ф ь я. Вот и хорошо! Может быть, она заставит тебя подумать о себе самом, – пора!

М и х а и л. Да я ни о чём кроме и не думаю...

С о ф ь я. Дуришь ты много, играешь...

М и х а и л. Это свойственно человеку. Вон и невеста моя играет на простоту, доброту...

С о ф ь я (пристально смотрит на него). Что ты говоришь? Она действительно доверчива...

М и х а и л. И кошка будто бы доверчива, а попробуй, обмани кошку!

С о ф ь я. При чём здесь – обманы?

М и х а и л. Знаешь что? Пусть бы лучше отец женился на ней, а меня в отставку!

С о ф ь я. Какая чушь!

М и х а и л (с усмешкой). Всё равно – сейчас не женится – после отобьёт. Она – доверчива...

С о ф ь я. Перестань! Что за гадости лезут в голову тебе!

(Взволнованно отходит прочь.)

М и х а и л (тихонько смеётся, наливая вина в рюмку, и декламирует).

Я хотел поймать в воде

Отражение цветка,

Но зелёный ил один

Подняла моя рука...

С о ф ь я. Это – что значит?

М и х а и л. Ничего не значит. Шутка.

С о ф ь я. Ой, Миша, смотри, жизнь серьёзна!

(Из прихожей входит Антипа Зыков, мужчина лет под пятьдесят, в бороде с проседью, кудрявый, чёрные брови, с висков – лысоват; Павла – в голубом платье, очень простом, без талии, как ряса, на голове и плечах – голубой газовый шарф.)

П а в л а. Я всегда говорю правду...

А н т и п а. Ну? Поглядим.

П а в л а. Увидите. А где же мама?

Ц е л о в а н ь е в а (из кухни). Иду, иду...

(Антипа идёт к столу с закусками; Павла, улыбаясь, к Софье.)

С о ф ь я. Устали?

П а в л а. Жарко! Пить хочу...

С о ф ь я. Вы сами платье шили?

П а в л а. Сама. А что?

С о ф ь я. Идёт к вам.

П а в л а. Я люблю, чтоб всё было свободно...

А н т и п а (сыну). Гляди, лишнее пьёшь, сконфузишься...

М и х а и л (дурашливо). Жених должен показать себя со всех сторон...

(Антипа, взяв его за плечо, что-то строго говорит ему, Михаил усмехается.)

С о ф ь я (Павле, вдруг, негромко). Который красивее?

П а в л а. Старший...

А н т и п а (резко). Цыц!

С о ф ь я (тихо). Антипа, что с тобою?

(Павла жмётся к ней.)

А н т и п а (смущённо). Ты извини, Павла Николаевна, это для тебя же лучше...

П а в л а. Что?

А н т и п а. А – вот... этот сударь... (Мычит.)

Ц е л о в а н ь е в а (с блюдом в руках, на блюде – кулебяка). Пожалуйста закусить, прошу вас...

П а в л а (Антипе). Надо быть добрым, а то я буду бояться вас...

А н т и п а (ласково усмехаясь). Ты всё про своё, про добро... Эх, дитё ты моё... (Говорит ей что-то, понизив голос.)

М и х а и л (хот и выпивший, чувствует себя лишним, бродит по комнате, усмехаясь, на ходу говорит тётке). Тесно, как в курятнике...

Ц е л о в а н ь е в а (волнуясь, следит за всеми, подходит к Софье). Пожалуйста к столу-то! Зовите, а то меня не слушает никто...

С о ф ь я (задумчиво). Нравится мне ваша дочь...

Ц е л о в а н ь е в а. О? Дай-то господи! Посмотрели бы вы за ней, поучили её...

С о ф ь я. Да, конечно. Наше, бабье дело везде – общее...

П а в л а (удивлённо). А как же люди?

А н т и п а. Что – люди?

П а в л а. Что ж они подумают?

А н т и п а (с жаром). Да мне – пёс с ними! Пускай, что хотят, то и думают. Люди! Чем я обязан им? Горем да обидами. Вот она, рука, которой я жизнь свою возводил, – это моя рука! Что мне люди? (Выпил водки, вытер рот салфеткой.) Вот ты моя будущая... дочь, скажем; ты всё говоришь – ласково надо, добром надо! Четвёртый раз я тебя вижу, а речи твои всё одинаковы. Это – оттого, что жила ты в монастыре, в чистоте... А поживи-ка на людях другое заговоришь, душа! Иной раз так бывает – взглянешь на город, и до смерти хочется запалить его со всех концов...

П а в л а. Тогда и я сгорю...

А н т и п а. Ну, тебя я... ты не сгоришь!

Ц е л о в а н ь е в а. Вы что, Михаил Антипович, не выпьете, не закусите?

М и х а и л. Папаша не велит...

А н т и п а. Что-о?

М и х а и л. И невеста не угощает.

П а в л а (краснея, кланяется). Пожалуйста, я налью...

М и х а и л. И себе...

П а в л а. Не люблю я...

М и х а и л. А я – очень люблю водку...

П а в л а. Говорят – вредно это...

М и х а и л. Врут! Не верьте. Ваше здоровье!

А н т и п а. Слабоваты здоровьем люди становятся, Анна Марковна, а?

Ц е л о в а н ь е в а. Отчего же? Пашенька у меня...

А н т и п а. Я – не про неё, конечно. А вот, хоша бы мой: много ли выпил, а и глаза мутные, и рожа оглупела.

С о ф ь я. Ты бы вслушался в то, что говоришь.

Ц е л о в а н ь е в а (смятённо). Сынок ваш молодой...

А н т и п а (сестре). Я – правду говорю! Анна Марковна знает, как раньше пили, у неё благоверный неделями качал... (Целованьевой.) А что молодой – это ещё не велико дело, это – проходящее мимо, молодость...

(Настроение – напряжённое, все ждут чего-то, присматриваются друг к другу. Софья настороженно следит за братом и Павлой; Михаил курит, тупо, пьяными глазами глядя на отца; Павла пугливо оглядывается. Антипа – у стола с закусками, Павла сняла чайник с самовара, мать её суетится около стола.)

Ц е л о в а н ь е в а (шепчет). Ой, Пашенька, жутко мне...

С о ф ь я (брату). Не много ли пьёшь?

А н т и п а (угрюмо). Ну, не знаком я тебе...

С о ф ь я. Всё-таки – следи за собой...

А н т и п а. Не мешай! Знаю, что делаю.

С о ф ь я. Знаешь ли? (Смотрят в лицо друг друга.) Ты что затеял?

А н т и п а. Разве он ей пара? Его – не исправим, а её – погубим зря...

С о ф ь я (отступая). Послушай, неужели ты решишься?..

А н т и п а. Стой, не подсказывай! Хуже будет...

М и х а и л (усмехаясь). Сговор, а – не весело! Все шепчутся...

А н т и п а (встрепенулся). Это всё твоя тётка серьёзничает... Эх, жаль, народу мало!

П а в л а. Вот и сказалась нужда в людях...

А н т и п а. Поддела! Упряма ты в мыслях твоих, Павла Николаевна... Что ж! Это так и надо женщине: держись за одно супротив всего...

П а в л а. А мужчине...

А н т и п а. Мужчина? Он – сам по себе. Он дикой. Его схватит за сердце – так он тут, как медведь, – прямо на рогатину... куда хочешь, да! Ему жизнь дешевле, видно...

Ц е л о в а н ь е в а. Пожалуйте чайку-то...

А н т и п а. Теперь бы холодненького чего...

М и х а и л. Шампанского советую...

А н т и п а. Первый совет слышу твой умный! Иди, найди...

М и х а и л. Могу... (идёт в кухню покачиваясь, зовёт.) Женщина! Красавица...

А н т и п а (подмигивая Павле). Видишь? А я – втрое боле его выпил. И таков я во всём – больше людей.

П а в л а. А чего вы боитесь?

А н т и п а (удивлён). Я – боюсь? Как это – боюсь?

(Софья оживлённо, тихонько говорит с Целованьевой, но вслушивается в слова брата.)

П а в л а (заметив это, весело говорит). Вы зачем же конфузите моего жениха?..

А н т и п а. Чем я его конфужу? Он мне – сын... я помню...

П а в л а (тише). Что вы на меня так смотрите?

А н т и п а. Под одной крышей будем жить, – узнать хочу – с кем? Вот, ты говорила – в монастыре хорошо, тихо... У нас тоже будто монастырь... Разве иной раз Софья буянит...

П а в л а. А ведь вы – добрый...

А н т и п а (хмурясь). Ну... не знаю! Со стороны, конечно, виднее. Ты всё о своём... занимает это меня! Нет, я, пожалуй, добротой не похвастаюсь. (Вспыхнул.) Может, и было, и есть в душе доброе, хорошее, да куда ж его девать? Его надо к месту, а нет в жизни места для добра. Некуда тебе сунуть хороший твой кусок души, понимаешь ты – некуда! Нищему что хошь дай – всё пропьёт! Нет, Павла, не люблю я людей... У меня дома один хороший человек Тараканов, бывший помощник исправника...

С о ф ь я. Спасибо!

А н т и п а. Ты? Ты – молчи! Ты – чужая... ты – другая... Бог тебя знает, кто ты, сестра! Разве ты – добрая? Мы ведь про доброту говорим, а ты не добрая, не злая...

С о ф ь я. Хорошо ты меня рекомендуешь!..

А н т и п а. Не плохо, Софья! Вот, Анна Марковна, – она меня моложе почти на два десятка, а в тяжёлый час я к ней, как к матери, хожу.

С о ф ь я. Что это ты... разговорился? Странно...

А н т и п а. Стало быть – так надо! Да, Тараканов... его за доброту со службы прогнали – это верно! Он умный, знающий, а – неспособный ни к чему. На него только смотреть хорошо... как на забавную вещь. Встарину его бы шутом домашним сделали...

С о ф ь я (улыбаясь). Выдумал! Почему – шутом?

А н т и п а. Так мне видится. А ты – ты уж не нашего, Зыковых, гнезда, ты шесть лет за дворянином замужем была, в тебе барская кровинка есть...

С о ф ь я. Перестал бы ты, Антипа...

А н т и п а. Нет, погоди! Ты – умница и всякому делу хозяйка: так ведь ты – женщина, птица вольная, снялась да и полетела. А я – остался один! И мужчина не всегда знает, чем он завтра будет, а женщина твоего характера и подавно – это уж так!

Ц е л о в а н ь е в а. А Михайло Антипыч?

А н т и п а (угрюмо). Сын? Что ж... Хорошего про него я мало знаю, коли правду говорить, а мы – честное дело затеваем, – тут – вся правда нужна. Мало Михаил хорошего накопил... вот – стишки складывает, на гитаре играет... Училище реальное – не окончил, не хватило уменя... А уменье это терпенье... Положим – терпением и я не похвастаюсь...

П а в л а (взволнованно). Что же вы про меня думаете, говоря так о сыне вашем, моём женихе?

А н т и п а (негромко, как бы про себя). Правильно спросила...

Ц е л о в а н ь е в а (беспокойно). Милые мои, послушайте меня, мать...

С о ф ь я (строго). Ты обдумал то, что делаешь?

А н т и п а (встал на ноги, внушительен). Размышлять – не умею! Пускай кто хочет размышляет, а я – знаю, чего хочу... Павла Николаевна, встань, выдь со мною на минуту...

(Встали все три женщины; Павла, как во сне, улыбаясь, идёт в комнату рядом с кухней, Антипа, тяжело и угрюмо, за нею. Дверь не затворили, слышен возглас Антипы: "Садись... погоди, соберусь с мыслями!")

Ц е л о в а н ь е в а (опускаясь на стул). Господи! Чего он хочет? Софья Ивановна, что же это?

С о ф ь я (взволнованно ходит). Ваша дочь – очень умная девушка... если я верно понимаю...

(Закуривает, ищет глазами, куда бросить спичку.)

Ц е л о в а н ь е в а. Ведь это он сам хочет...

С о ф ь я. Позвольте...

А н т и п а (в комнате). Какой он тебе муж? Годами ты ему ровесница, душой – старше. Иди за меня! Он меня старее, он – дряблый! Это я тебя буду молодо любить, я! В ризы одену, в парчу! Трудно я жил, Павла, не так, как надо... Дай мне иначе пожить, порадоваться чему-нибудь хорошему, прислониться душой к доброму – ну?

С о ф ь я (волнуясь). Слышите? Хорошо говорит! Зрелые люди любят крепко...

Ц е л о в а н ь е в а. Ничего я не понимаю... Богородица всемилостивая – на тебя вся надежда моя: пожалей дитя моё, пощади от горя; мною всё горе испытано, и за неё, за дочь, испытано!..

С о ф ь я. Вы – успокойтесь! Я – тоже поражена... Хотя это в его характере... что же теперь сделаешь? И ваша дочь, видимо, не против...

Ц е л о в а н ь е в а. Не знаю вас, никого! Приехали сватать сына, племянника, – вдруг – что такое стало? (Идёт в комнату, где дочь и Антипа.) Я желаю слушать, я – мать... я не могу...

А н т и п а. Ты мне на дороге богом поставлена... Анна Марковна слушай!

(Закрыли дверь, Софья, кусая губы, ходит по комнате; в окне лицо Муратова насмешливое, под глазами – отёки, острая борода, лысоватый.)

С о ф ь я (сама с собою). Ах, боже мой...

М у р а т о в. Приветствую!

С о ф ь я. Ой... что это вы?

М у р а т о в. А что? Мне ваш Личарда, Шохин, сказал, что вы здесь, и я счёл долгом засвидетельствовать...

С о ф ь я. Через окно?..

М у р а т о в. Ба! У нас нравы простые, как вы знаете...

С о ф ь я. Вы всё опрощаетесь?

М у р а т о в. Ирония? Да, всё опрощаюсь. А вы – сватаете?

С о ф ь я. Уже – известно?

М у р а т о в. Конечно! Известно, что и невеста не вполне при своих мозгах...

С о ф ь я. Вы, разумеется, слышали о моём якобы романе с вами?

М у р а т о в. Слышал. Люди предупреждают события...

С о ф ь я. Вы не опровергали этот слух?

М у р а т о в. Зачем? Я горжусь им...

С о ф ь я. А вы не сами пустили его?..

М у р а т о в. Вот что называется – воткнуть вопрос иглой в око... Но, когда со мною говорят в этом тоне, я становлюсь нахалом...

С о ф ь я. Я всё-таки попрошу вас уйти из-под окна.

М у р а т о в. Ну, что ж? Ухожу. В воскресенье можно к вам?

С о ф ь я. Пожалуйста. Но можно и не приезжать.

М у р а т о в. Я лучше приеду! Почтительно кланяюсь. Всяких удач и успехов...
всяких!

С о ф ь я. Не забудьте моей просьбы о копиях описи...

М у р а т о в. Я ничего не забываю...

М и х а и л (входит). Нельзя достать шампанского в этом чортовом углу. Кого вижу!

М у р а т о в. Ты что же путешествуешь одиноко, жених?

М и х а и л (делает ему рукой прощальный жест). Вечером увидимся.

М у р а т о в. Надеюсь! За тобой – мальчишник!..

М и х а и л. Конечно... (Муратов исчез.) А где же все?

С о ф ь я (пристально смотрит на него). Там, в той комнате...

М и х а и л. Меня – исключают? Да, что ли? Я ведь слышал отцово красноречие...

С о ф ь я (почти с презрением). Ты, кажется, везде будешь лишним...

М и х а и л. Я тебе говорил, что эдак будет лучше... Но – зачем было тревожить смиренного мальчика? Вот те и мальчишник! Тётя Соня – тебе скучно?

С о ф ь я. С вами? О, да! С вами – больше, чем скучно... с вами ужасно!..

(Входят Павла и Антипа, Анна Марковна в слезах.)

А н т и п а (торжественно). Вот, сестра Софья... видишь ты... Решили мы, что...

(Схватывается рукой за сердце.)

П а в л а. Софья Ивановна – поймите меня, простите...

С о ф ь я (обнимает её). Не знаю, что сказать вам... Не понимаю вас...

А н т и п а. Михайло... ты, того... не обижайся! Ты – молод, невест много...

М и х а и л. Я очень рад... Честное слово! Павла Николаевна – я сказал, что очень рад, – вы не сердитесь! Я ведь знаю – не пара я вам!

А н т и п а. Ну, вот, Анна Марковна, видишь, я говорил...

П а в л а (Михаилу). Мы будем дружно жить...

М и х а и л (кланяясь). О, конечно...

(Тихонько, пьяно смеётся.)

А н т и п а. Анна Марковна – будь спокойна! От моей вины – богом тебе клянусь – дочь твоя ни одной слезы не прольёт...

Ц е л о в а н ь е в а (опускаясь перед ним на колени). У тебя мать была, любила тебя... добрый человек – вспомни свою мать! Матери твоей ради – пожалей дочь мою!

(Антипа, Павла – поднимают её; Софья отвернулась к стене, отирает глаза платком; Михаил – взволнован и пьёт рюмку за рюмкой.)

П а в л а. Mamочка, полно, всё будет хорошо!

А н т и п а. Ну – я тебе слово дам, какое хочешь... Все зарюки беру на себя, встань! Двадцать пять тысяч кладу в банк на её имя – ну, ладно!

С о ф ь я. Довольно, господа! Миша, налей чего-нибудь! Анна Марковна, я с вами в матерях, хоть и молода для такого бородатого сына. (Антипе.) Ты что трясешься, точно тебя под суд отдали?

Ц е л о в а н ь е в а. Милая моя...

(Обняла дочь и плачет беззвучно.)

А н т и п а. Мне – сесть да помолчать хочется, как делают перед дальним путём...

С о ф ь я. Вот что: здесь душно! Павля, ведите всех в сад...

П а в л а (Антипе, матери, беря их за руки). Идёмте...

М и х а и л. А – выпить хотели?

С о ф ь я. Потом, оставь! Эх, ты... дитяtko! (Обняла его за плечи, гладит голову.) Ну, что?

М и х а и л. Ничего, тётя Соня... Право же – мне всё равно!..

С о ф ь я. Идём в сад...

М и х а и л. Не пойду...

С о ф ь я. Почему?

М и х а и л. Не хочу...

С о ф ь я (заглядывая в глаза ему, тихо). Значит – не всё равно, а?

М и х а и л (усмехаясь). Неловко как-то – за отца. Такой он красивый мужик, такой – литой, цельный... Ему ли пряники есть?..

С о ф ь я (уходя, с улыбкой). Что делать? Человеку всегда хочется немножко счастья... немножко!..

М и х а и л (подошёл к столу, наливает вина, бормочет). Зачем же немножко? Немножко – скучно...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В саду у Зыковых. Слева – широкая терраса барского дома, против неё, под липой, за столом П а в л а вышивает что-то, М и х а и л с гитарой, Т а р а к а н о в – длиннобородый старик, одетый в парусину, очень странный, смешной. В глубине сада, у конца террасы Ц е л о в а н ь е в а варит варенье, около неё девочка-подросток – С т ё п к а.

Т а р а к а н о в. Это всё оттого, что образовалось смятение понятий и никто не знает точно – где его место...

П а в л а (задумчиво повторяет). Смятение понятий.

Т а р а к а н о в. Именно.

М и х а и л (перебирая струны). Вы бы, Матвей Ильич, рассказали чтонибуть из жизни и без философии...

Т а р а к а н о в. Без философии – ничего нет, ибо во всём скрыт свой смысл, и его надобно знать.

М и х а и л. Зачем?

Т а р а к а н о в. Как это – зачем?

М и х а и л. А если я не хочу ничего знать?

Т а р а к а н о в. Этого нельзя.

М и х а и л. А я – не хочу...

Т а р а к а н о в. Каприз юности.

П а в л а. Вы не спорьте, вы говорите просто...

Т а р а к а н о в. Тебе скажут – посторонись, а ты не поймёшь...

М и х а и л. Ну?

Т а р а к а н о в. Ну, и сшибут с дороги.

М и х а и л. Посторониться, Матвей Ильич, я всегда сумею, я брезглив...

П а в л а (мельком взглянув на него). Не надо сердиться... В сердцах чаще всего ошибаются...

Т а р а к а н о в. Не понимаю – что значит брезглив?

Ц е л о в а н ь е в а. Перестаньте вы тоску-то сеять! Павля, хочешь пенок?

П а в л а. Нет, спасибо! Ты лучше вели сделать мне блинчики к ужину...

М и х а и л. Почему же только вам? Я тоже люблю блинчики, может быть...

П а в л а (вздыхая). Пьющие – сладкого не любят.

М и х а и л. Это называется афоризм.

П а в л а. Что?

М и х а и л. То, что вы сказали.

П а в л а. Почему – афоризм?

М и х а и л. Чорт его знает...

Т а р а к а н о в. Станный вы человек, Миша...

М и х а и л. Все люди – странные, и понять ничего в них нельзя. Вы тоже странный, вам надо бы служить, взятки брать, а вы – философствуете.

Т а р а к а н о в. Мне взятки брать не к чему, я человек одинокий.

П а в л а. А я слышала – сын у вас есть?

Т а р а к а н о в. Я от него отрёкся...

П а в л а. Совсем? За что?

Т а р а к а н о в. Окончательно. За то, что он Россию не любит...

П а в л а (вздыхнув). Не понимаю...

М и х а и л. Матвей Ильич сам ничего не понимает.

Ц е л о в а н ь е в а. Со стариками-то как нынче говорят!..

М и х а и л. Старики сами сознаются, что живут в смятении понятий. Значит – подождите учить!

Ц е л о в а н ь е в а. Разве я учу? Бог с тобою!..

(Идёт на террасу. Стёпка, оглянувшись, насыпает в карман себе сахар.)

П а в л а. Да не обижайтесь вы друг на друга! Зачем?

Т а р а к а н о в. Для развлечения больше.

М и х а и л. Вот именно...

П а в л а. Миша, сыграйте вашу песенку про девушку...

М и х а и л. Не хочется...

П а в л а. Ну, пожалуйста...

М и х а и л (взглянув на неё). Родителей надо слушаться.

(Настраивает гитару, Тараканов набивает трубку, раскуривает.)

М и х а и л (говорит речитативом, аккомпанируя тихонько на гитаре). Полею девушка тихо идёт. Я не знаю – кто она? Не её ли моё сердце ждёт, Грустью околдовано?

Т а р а к а н о в. Что же это за девушка?

П а в л а (с досадой). Не мешайте! Это – мечта.

Т а р а к а н о в (вздыхая). Вообще, значит, девушка. Понимаю. Но в этом случае – надобно жениться...

П а в л а. Ах, да не мешайте же!

(Во время чтения на террасе явился Муратов, в костюме для верховой езды, с хлыстом в руках. Слушая Михаила, он иронически морщится.)

М у р а т о в (сходя в сад). Какая поэтическая картина: варенье варят, сладкие стихи читают... Добрый день, Павла Николаевна, вы всё хорошеете! Отставной проповедник правды и добра – приветствую! Здравствуй, Миша...

(Его встречают молча, он садится рядом с Павлой; она жмётся, отодвигаясь от

него. Тараканов, молча поздоровавшись, уходит в глубь сада, угрюмо оглядываясь на лесничего.)

М у р а т о в. Прошёл насквозь весь дом – пусто!

П а в л а. Тётя Соня дома...

М у р а т о в. Потом услышал тихий звон гитары... Чьи это стихи, твои, Миша?

М и х а и л. Мои... А – что?

М у р а т о в. Плоховато. Впрочем, для домашнего употребления, вероятно, и это годится.

П а в л а. Позвать тётю?

М и х а и л (усмехаясь). Сиди, я позову...

П а в л а. Лучше я...

М у р а т о в. Почему же – лучше?

П а в л а. Не знаю. Ну, пускай Миша...

(Михаил идёт, оставив гитару; Муратов взял её, наклонил голову к Павле.)

М у р а т о в. Хорошо быть военным писарем, – это очень смелые люди они прекрасно ухаживают за барышнями и дамами. Как вы находите?

П а в л а. Я не знаю, не видала.

М у р а т о в. Писаря – и парикмахеры тоже – очень любят играть на гитарах.

П а в л а. Да?..

М у р а т о в. Вы – плохая Ева, у вас мало любопытства... Вас не интересует, почему я стал так часто бывать здесь, а?

П а в л а (смущённо). Нет... Не интересует...

М у р а т о в. Очень сожалею. Хотелось бы, чтобы вы подумали об этом...

П а в л а. Вы – старый знакомый тёти Сони...

М у р а т о в. Знакомый я старый, но душа у меня молодая, и её влечёт к молодому, как вас, например, к Мише, очень глупому парню...

П а в л а (волнуясь). Он – вовсе не глупый...

М у р а т о в. Я его знаю лучше, чем вы... Он же постоянно пьянствует со мною...

П а в л а. И меня вовсе не влечёт...

М у р а т о в (тихо напевает). "Старый муж, грозный муж..."

П а в л а (встала). Это – неправда!

М у р а т о в. Что – неправда?

П а в л а. Всё! Всё, что вы говорите! И я не хочу с вами... Вы нарочно меня...

М у р а т о в. Что – нарочно?

П а в л а. Я не знаю, как сказать. Вы надо мной смеётесь...

(Быстро идёт прочь.)

М у р а т о в (вынимая портсигар, следит за нею, вздыхает). Дурочка...

(Тихонько бьёт кончиком хлыста по струнам гитары. Из-за угла террасы выглянула Целованьева и – спряталась. Из дома выходит Софья, остановилась на верхней ступени, глубоко вздохнула.)

С о ф ь я. День-то какой прекрасный...

М у р а т о в (вставая навстречу ей). Жарко и пыльно... Здравствуйте?

С о ф ь я. Вы чем Павлу расстроили?

М у р а т о в. Я?

С о ф ь я. Ну, ну, не играйте, не поверю ведь...

М у р а т о в. Она меня очень забавляет.

(Анна Марковна у жаровни. Стёпка около неё.)

М у р а т о в. Что – скоро идиллия превратится в драму?

С о ф ь я (строго). Не говорите пустяков! Вы привезли, наконец, бумаги?

М у р а т о в. Нет. Мой письмоводитель такой лентяй!

С о ф ь я. Ну, и вы тоже трудолюбием не отличаетесь.

М у р а т о в. Я – принципиально ленюсь. С какой стати я буду трудиться для диких людей, которые неспособны оценить значение моего труда?

С о ф ь я. Это вы говорили не однажды...

М у р а т о в. Значит – я говорю это серьёзно.

С о ф ь я. А не ради оригинальности?

М у р а т о в. Я живу среди людей бесчестных, ленивых, некультурных... и не хочу, нахожу бесполезным делать для них что-либо... Это – понятно, надеюсь?

С о ф ь я. Понятно, но – не лестно для вас...

(Анна Марковна, взяв Стёпку за ухо, ведёт её куда-то.)

М у р а т о в. Да? Что ж делать! Кстати, этот ваш Хеверн...

С о ф ь я. Не станем говорить о нём...

М у р а т о в. Почему?

С о ф ь я. Я не хочу...

М у р а т о в. Чтоб я говорил о нём?

С о ф ь я. Да.

М у р а т о в. Вот как? Гм! А я отчасти затем и явился, чтобы сообщить вам об этом господине...

С о ф ь я (спокойно). Этого господина зовут Густав Егорович, и я его очень уважаю...

М у р а т о в. А если окажется, что он – жулик?

С о ф ь я (встала, твёрдо и гневно). Вам что угодно?

М у р а т о в (немножко испугался). Позвольте...

С о ф ь я. Я только что сказала вам, как я отношусь к этому человеку...

М у р а т о в. Но – ведь можете же вы ошибаться!

С о ф ь я. За ошибки мои я расплачусь сама. И я чувствую людей не хуже, чем вы...

М у р а т о в. Моего отношения к вам вы, однако, не чувствуете.

С о ф ь я. Это – неправда! (Усмехнулась.) Вы, я знаю, не верите мне, не уважаете меня...

М у р а т о в (вздыхнув). О! Как вы ошибаетесь...

С о ф ь я. Да не – о!.. И – не ошибаюсь. Я для вас – купчиха, бывшая замужем за помещиком, испорченная и утомлённая им. Женщина богатая, хитрая, в мыслях грешная, но – трусливая. И – глупая; ведь это в расчёте на глупость вы рисуетесь предо мною цинизмом?.. Да?

М у р а т о в. Я не циник, а скептик, как все неглупые люди...

С о ф ь я. Я хорошо помню ваши первые атаки, тогда ещё, при жизни мужа... (Вздыхнула.) Знали бы вы, как я тогда нуждалась в участии, в честном отношении ко мне...

М у р а т о в. Я относился к вам честно, как умею...

С о ф ь я. Ну, вы плохо умеете! И вы тогда нравились мне: вот, думала я, хороший, умный человек...

М у р а т о в. Я тогда был глупее, чем теперь...

С о ф ь я. Я вам не уступила, и на время это зажгло ваше самолюбие, ваше упрямство.

М у р а т о в. Не упрямство, а – страсть!

С о ф ь я. Ах, полноте! Вы – и страсть...

М у р а т о в. Мы, кажется, ругаемся?..

С о ф ь я. Да, я горячусь, извините...

М у р а т о в (кланяясь). Ничего! Я готов слушать и дальше. Какой-то такой разговор должен был быть между нами...

С о ф ь я. Да? И мне тоже кажется.

М у р а т о в (оглянувшись). Так продолжайте.

С о ф ь я (смотрит на него). Однажды я едва не поверила в ваше чувство...

М у р а т о в. Когда?

С о ф ь я. Это всё равно для вас.

(Встаёт, ходит.)

М у р а т о в (помолчав). А хотел бы я знать, что вы обо мне думаете?

С о ф ь я. Нехорошо я о вас думаю.

М у р а т о в. Ну – начистоту! И если попадёте в сердце...

С о ф ь я. То – что будет?

М у р а т о в. Как сказать? Что-то будет...

С о ф ь я (подумав). Знаете, ведь вы вашим якобы роковым чувством ко мне

Зыковы. Максим Горький gorki.ucoz.ru
пользуетесь, чтоб прикрыть вашу лень, оправдать вашу плохонькую жизнь...

М у р а т о в. Для начала – недурно.

С о ф ь я. Вы очень нечестный человек...

М у р а т о в (встаёт, усмехаясь). Позвольте однако...

С о ф ь я (подходит близко к нему). Нечестный. Честный человек не может всем пользоваться, ничего не платя, ничем не отвечая за то, что берёт...

М у р а т о в. Не помню, что я взял у вас...

С о ф ь я. Говорят – вы строгий законник, а я думаю, что вы преследуете людей потому, что не любите их, скучно вам с ними, и вы мелко и злобно мстите им за то, что вам скучно... Властью, данной вам, вы пользуетесь, как пьяница или как мой покойный муж, больной человек... Плохо я говорить умею, всё какие-то не свои слова на языке. Но – я очень чувствую всё и – скажу по душе: жалко мне вас...

М у р а т о в. Не благодарю...

С о ф ь я. Ужасно вы живёте...

М у р а т о в. Да?

С о ф ь я. Никого и ничего не любя...

М у р а т о в. Да, я не люблю людей...

С о ф ь я. И дело ваше вы не любите.

М у р а т о в. И дело не люблю. Охранять леса? Нет, это меня не забавляет. Далее!

С о ф ь я. А ведь вы этому учились – охранять леса.

М у р а т о в. Именно этому.

С о ф ь я. Как же так?

М у р а т о в. Ошибся. Что ж, это обычная ошибка русского! Русский человек стремится прежде всего уйти из своей родной среды, а – куда, каким путём – это всё равно! С тем нас возьмите. Вы всё сказали, что хотелось?

С о ф ь я. Да.

М у р а т о в. Какой же вывод?

С о ф ь я. Сделайте вывод сами.

М у р а т о в. Может, вы надеетесь, что я, после сей философической беседы, застрелюсь? Нет, я не застрелюсь. Таких, как я, – тысячи, и жизнь наше поле, сударыня! Таких, как вы – единицы, десятки; вы совершенно лишние люди в жизни сей. И девать вам себя – некуда. Раньше вы в революцию ходили, но революция никому больше не нужна, и – сделайте-ка отсюда вывод!

С о ф ь я (усмехаясь). Я, кажется, попала-таки в сердце вам.

М у р а т о в. В сердце? Нет!

С о ф ь я. Но – мы кончили?

М у р а т о в. Вы – умнее, чем я думал. Удивляюсь, как вы можете терпеть всё это... эту пошлость вокруг вас... (Вздыхнув.) Всё-таки есть у меня к вам нечто в душе...

С о ф ь я. Совершенно ненужное ни вам, ни мне...

М у р а т о в. Простенько вы смотрите на людей, сударыня; очень уж несложно!

С о ф ь я (пылко). Ах, оставьте вы эту сложность, постыдитесь её, наконец! Ведь вы за нею скрываете только ложь и разврат.

М у р а т о в. Вы сердитесь? Ухожу. Я люблю сам сердиться, но когда другой – особенно женщина – отдаёт себя наслаждению злостью, это мне не нравится...

(Не торопясь идёт в дом, на ступенях террасы остановился.)

А я не считаю, что мы поссорились, – можно?

С о ф ь я (негромко). Как хотите....

М у р а т о в. Не считаю. До свидания, более приятного для меня.

(Софья, оставшись одна, ходит, пожимает плечами, усмехаясь.)

С т ё п к а (выглядывает). Софья Ивановна, меня бабушка за уши оттрепала...

С о ф ь я (не глядя на нее). А ты что сделала?..

С т ё п к а. Сахарку немножко взяла...

С о ф ь я. Надо было попросить.

С т ё п к а. Так ведь не дала бы она...

С о ф ь я. А ты у меня спроси.

С т ё п к а. А тебя не было!

С о ф ь я. А ты бы подождала меня...

С т ё п к а. Разве что так! Дура я...

С о ф ь я (глядя её волосы). Конечно – дурочка...

С т ё п к а. А когда я умной–то буду?

С о ф ь я. Подожди, будешь... Ступай, посмотри, кто приехал.

С т ё п к а (убегая). Гляди – немец твой...

С о ф ь я (усмехается, заглядывает за угол террасы). Анна Марковна, вы что прячетесь?

Ц е л о в а н ь е в а. Беседовали вы тут... У меня вон варенье–то прикипело. Девчонку эту напрасно вы ласкаете, она сахар ворует...

П а в л а (с террасы). Тётя Соня – там приехали!

С о ф ь я. Знаю, иду... Ты что грустная?

П а в л а. Миша рассказывал про училище...

Ц е л о в а н ь е в а. Охо–хо...

С о ф ь я. Нужно приготовить холодного чего–нибудь, наверное, спросят.

(Ушла в дом.)

Ц е л о в а н ь е в а. Ох, Павленька, напрасно мы домишко свой продали!

П а в л а. Пустяки, мамочка...

Ц е л о в а н ь е в а. Свой угол – никогда не пустяки!.. (Понизив голос.) Софья–то тут лесничего отшивала, ай, какая смелая женщина! Видно, решила за

немца выйти...

П а в л а (задумчиво). Она – хорошая...

Ц е л о в а н ь е в а. Все хороши, да – не наши!

П а в л а. И умная она...

Ц е л о в а н ь е в а. Ну, уж это довольно глупо, ежели женщина всегда умна. Ты бы вот не часто с Михаилом-то...

П а в л а. Мамаша, оставьте это! Как вы можете напоминать?.. Фу, как скучно с вами! Вы стали злая. На кого злитесь? Удивительно, право...

Ц е л о в а н ь е в а. Ну, ну... На себя обернись... Погляди, какая сама-то стала...

(Скрылась за угол.) (Павла раздражённо толкает гитару. С террасы сходит Шохин, в руках пакеты.)

П а в л а. Вам кого?

Ш о х и н. Никого. Сахар принёс.

П а в л а. Вы – Шохин?

Ш о х и н. Шохин. Старшой объездчик.

П а в л а (тихо). Это вы убили человека?..

Ш о х и н (не сразу). Я-с.

П а в л а. Господи! Ах вы, несчастный...

Ш о х и н (тихо). Меня оправдали.

П а в л а. Разве это не всё равно? Ведь вы сами-то себя не оправдаете... Как это вы...

Ш о х и н (сердито). Топором... обухом...

П а в л а. Ой, я не про то...

Ш о х и н. Ну... Куда это положить? (кладёт пакеты на стол и вдруг говорит поспешно, резко.) Они в седьмом году – чего делали? Приедут – лес рубят чужой...

П а в л а. А вы – били их?

Ш о х и н. На то нанят...

П а в л а. Ах, боже мой! Разве можно из-за этого убивать!..

Ш о х и н. И за меньше убивали...

П а в л а (смотрит на него и жалобным, ребячьим голосом зовёт). Мамочка!

Ш о х и н (тихо и обиженно). Вы – напрасно это... И ведь ничего...

(В доме шум, он оглядывается, скрывается быстро. Выходит Антипа, усталый, пыльный.)

А н т и п а (оглядывая сад). Это кто убежал?

П а в л а. Шохин...

А н т и п а. Чего он?

П а в л а. Я не знаю.

А н т и п а. А Михаило где?

П а в л а. У себя, должно быть...

А н т и п а (сошёл, обнял её за плечи). Почему грустная, а?

П а в л а. Шохин этот...

А н т и п а. Ну?

П а в л а. Он ведь человека убил...

А н т и п а (хмуро). Как же... убил, дурак! Я адвоката ему нанимал, отсудили. Теперь он – собачка верная моя... А если хочешь – могу прогнать...

П а в л а. Ой, не надо! Тогда он меня...

А н т и п а. А ты – полно-ка!

П а в л а. Ну, другого кого... Не надо!

А н т и п а. Эх ты... Гляжу я на тебя... большие слова в душе ворочаются, а сказать – не умею... Кабы ты поняла! Без слов...

П а в л а (робко). Я – пойму, подождите...

А н т и п а. Жду. (Вздыхнул.) Только – гляди: времени у меня мало. Я человек короткой жизни. И люблю, чтобы всё сразу открывалось мне...

П а в л а. Вон, про вас говорят, что переменялись вы...

А н т и п а (хмуро). Я? Как это – переменялся? Отчего?

П а в л а. Не знаю отчего...

А н т и п а. Кто говорит-то?

П а в л а. Люди.

А н т и п а. Лю-уди! (Свистнул.)

П а в л а. Дела забросили...

А н т и п а (усмехаясь). Мои дела; хочу – брошу, хочу – нет... (Присматривается к ней, обняв за плечи.) Удивительно слышать это от тебя, ребёнок ты, а туда же – дела!

П а в л а (негромко, оглянувшись). А ещё говорят, что всё хозяйство забирает в свои руки тётя Соня...

А н т и п а (вспыхнув, сердито). Ну, если я узнаю, кто это говорит, башку сверну! Да. И ты этих пакостей не повторяй – это я тебе приказываю! Слышишь? Меня с сестрой никому не поссорить – дудки! (Оттолкнул её тихонько.) Скажи, пожалуйста, – куда метят!..

П а в л а (обиженно и медленно отходит прочь). Вот уж вы и рассердились... А ещё просите – говори со мной обо всём, что думаешь...

А н т и п а (порывисто схватил её за плечо). Погоди, ты и говори, всё говори! Не обижайся, – это я так, – досадно мне! А ты – говори! Только своё говори, а не людское... Людское – это от злости больше, от зависти. Несчастливы люди, малосильны, оттого завистливы и слабы...

П а в л а. Миша и слаб, а – не злой и не завистник.

А н т и п а (отшатнулся от неё). Что такое? Зачем ты про него?

Зыковы. Максим Горький gorkiymaxim.ru

П а в л а. Затем, что неверно вы говорите о людях.

А н т и п а. Неверно? Потому что – сын... да, вот как вышло...

П а в л а (беспокойно). Вы, пожалуйста, не думайте...

А н т и п а (пристально смотрит на неё, торопливо). Про что не думать?

П а в л а (смущённо). Про то, о чём в четверг говорили... Нисколько он мне не интересен...

А н т и п а (снова обняв её, смотрит в глаза). Я – не про это, ей-богу! я тебе верю... Сказала – ну, и кончено! Спасибо. Люблю я тебя, Павла... так, что даже задыхаюсь от этого, от силы. Идём к пруду... идём, я те поцелую там...

П а в л а (тихо). Ну, что это, днём – нехорошо...

А н т и п а (уводя её). Хорошо будет! Иди, милая... иди, вечера моего заря ясная...

(Ушли. На террасу выходит Хеверн, прищурился и смотрит вслед им. Стёпка приносит серебряное ведёрко со льдом и бутылками в нём.)

С о ф ь я (выходит). Ну-с, продолжайте...

Х е в е р н. Вы сегодня очень весело настроены, и это меня стесняет...

С о ф ь я. Да-а? вам больше нравятся унылые женщины?

Х е в е р н. О, вы знаете, кто мне нравится...

С о ф ь я (с улыбкой). Будь вы богаче, я говорила бы с вами серьёзнее – не обижайтесь!

Х е в е р н (чуть поморщился). Это очень драгоценная ваша черта сказать всегда прямо. Но – я буду богаче! Я уже есть богаче! Я хорошо понимаю, что нигде не нужно так быть богату, как в России, где только деньги дают независимость и почтение. И я знаю, что в сорок лет я буду иметь сто тысяч, – мне тридцать четыре года.

С о ф ь я. Слишком много арифметики вводите вы в жизнь.

Х е в е р н. А! Это – необходимость. Нужно уметь считать, хотя бы для того, чтоб в пятьдесят лет не жениться на двадцатилетней девушке. Это никогда не составит семьи и может очень вредить делу.

С о ф ь я (холодно). Вы думаете?

Х е в е р н. О, я уверен! Поздние браки в России всегда неудачное дело. Когда человек торопится домой – дело теряет. От этой торопливости могут пострадать интересы третьих лиц.

С о ф ь я. Мои, например...

Х е в е р н. И ваши. А также – мои...

(Вышел Михаил, молча поздоровался с Хеверном, налил стакан вина, сел на верхней ступени, рассматривает вино на свет. Хеверн смотрит на него сверху вниз, Софья курит и следит за ним.)

Х е в е р н. Утром ловили окуней, Миша?

М и х а и л. Ловил.

Х е в е р н. И – что же?

М и х а и л. Поймал.

Х е в е р н. Много?

М и х а и л. Одного.

Х е в е р н. Большой?

М и х а и л. Около фунта...

Х е в е р н. Очень плохо! Ничто не берёт так много время, как ловля рыб.
(Софье.) Вчера я разговаривал с вашим предводителем дворян – это очень странное лицо!

С о ф ь я. Да? Почему же?

Х е в е р н. Очень! Бывал в Европе, интересуется искусством, посетил музеи – и ни однажды не был в рейхстаге! Он не понимает, что социализм явление историческое, и смеётся над тем, что нужно изучать. Один голый инстинкт собственника-индивидуалиста не может победить социализм, – чтоб успешно бороться, нужно знать врага, – так!

С о ф ь я (задумчиво). Я – тоже не интересуюсь социализмом.

Х е в е р н. О, для женщины это необязательно! Да, странный человек предводитель... Он так... с яростью говорил о честных заслугах дворян перед Россией – очень красиво! Но, если ему предложить две с половиной тысячи рублей, – он без усилия покривит себе душу...

С о ф ь я (смеясь). Почему именно две с половиной?

Х е в е р н. Так, для примера...

С о ф ь я. Вы предлагали?

Х е в е р н (строго). Н-но, зачем! (Михаилу.) Вы живёте дружелюбно с Павлой Николаевной, да?

М и х а и л. Она очень хороший человек – честный и добрый...

Х е в е р н. Да? Это приятно. Но – многие русские, мне кажется, добры только по слабости характера?

М и х а и л. Не знаю... Вам – виднее.

(Из сада идут Антипа, Павла, порознь, оба притихшие. Все молчат, видя их.)

А н т и п а (ворчливо, угрюмо). Когда сердце не горит, а тлеет только – это, брат, ещё не жизнь... Ты погоди рассуждать...

П а в л а (устало). То вы говорите, что я глупая, то – не рассуждай...

А н т и п а (с досадой). Эх, да ты пойми – о разном говорю!.. (Увидел сына, выпрямился, строго спрашивает.) Ведомость готова?

М и х а и л. Нет ещё.

А н т и п а. Отчего? Ведь я сказал...

М и х а и л. Счета Чернораменской дачи не доставили мне...

А н т и п а. Как не доставили? Врёшь!

С о ф ь я. Счета у меня, не кричи! Их нужно проверить...

А н т и п а (входя на террасу). Ну, ты всегда заступаешься... где не надо! Проверить... что ж он сам – не может?

(Софья что-то строго шепчет ему, он мычит.)

Х е в е р н (Павле). Как поживаете?

П а в л а. Благодарю вас, хорошо...

Х е в е р н. Я очень рад.

П а в л а. Это вы – серьёзно?

Х е в е р н. Что именно?

П а в л а. Вас серьёзно радует, когда людям хорошо?

Х е в е р н (удивлён). О, конечно! Как же иначе? Несомненно. Когда всем хорошо вокруг меня – я выигрываю...

П а в л а. Как это просто и верно...

Х е в е р н. О, я очень люблю всё простое, оно именно – верно!

А н т и п а (Хеверну). Идём план-то посмотреть...

Х е в е р н. Пожалуйста...

А н т и п а. Иди-ка ты с нами, Михаил! Софья, купили мы лес-то у предводителя – знаешь?

С о ф ь я. Нет, не знаю...

А н т и п а (Хеверну). Ты что ж, не сказал компаньонке-то?

Х е в е р н (хмурясь). Я был уверен...

С о ф ь я (брату). Сколько?

А н т и п а. Двадцать три...

С о ф ь я. Ты не хотел давать больше восемнадцати?

А н т и п а. Не хотел, а пришлось дать.

С о ф ь я. Почему же?

А н т и п а. Конкурент явился новый. После расскажу. Идёмте... Михаило – иди!

(Уходят. Хеверн идёт сзади. Софья, задумчиво покуривая, наблюдает за ним. Павла, прислонясь к перилам, стоит, опустя голову.)

С о ф ь я. Ты что грустишь?

П а в л а. Устала.

С о ф ь я. О чём беседовали?

П а в л а. Да... всё о том же... Он всё говорит, как любит меня... Я же знаю ведь это! А он – всё говорит, говорит...

С о ф ь я. Поди ко мне. Эх ты... птица!

П а в л а. Нет, право, ну – люблю, люблю... нельзя же всё об этом только!

С о ф ь я (грустно). Дитя моё, это очень худо, если нельзя говорить только об этом...

П а в л а. Да и все мужчины... Как он странно смотрит на тебя!

С о ф ь я. Кто?

П а в л а. Густав Егорович.

С о ф ь я. А! Он на всё так же смотрит. Хозяин.

П а в л а. Нравится он тебе?

С о ф ь я. Ничего, мужчина крепкий. С ним хорошо по железным дорогам ездить – нигде не опоздаешь...

П а в л а. Не понимаю. Это ты шутишь?

С о ф ь я. Многого ты, дружок, не понимаешь...

П а в л а (грустно). Да. Всё не так, как я думала...

С о ф ь я. Скажи ты мне – зачем ты вышла замуж за брата?

П а в л а. Я думала – иначе будет. Видишь ли – я очень боюсь всего... Всё чего-то жду... До двенадцати лет – отец пугал, потом – пять лет – в монастыре. Там тоже все в страхе живут; сначала боялись, что ограбят, – и тревожный год казаки стояли у нас и каждую ночь свистели все. Пьяные, песни поют. Монахинь – не уважали, и всё было нехорошо как-то. Все грешат против устава, злые все и друг друга боятся. Бога – тоже боятся, а не любят. Я и подумала: нужно мне встать под сильную руку – не проживу я одна как хочется...

С о ф ь я (задумчиво). Ты думала – Антипа сильный?

П а в л а. Он сам сказал. Мише – ничего не нужно, он чужой всем. А прежде сватались всё какие-то жадные...

С о ф ь я (лаская её). А я подумала о тебе плохо, Павля... Сначала, помнишь?

П а в л а. Да. Нет, я плохого не люблю, я боюсь его. Ты очень строго, бывало, смотрела на меня, и я от этого плакала в уголках... Хотелось подойти к тебе, сказать: я – не плохая, не жадная, – а смелости не хватило...

С о ф ь я. Ах, девочка, девочка, господь с тобою... Трудно тебе будет...

П а в л а. Мне уж стало трудно! Тут – Шохин ходит. Убил человека и ничего, ходит!

С о ф ь я. Ты его оставь, не бойся! Он – не злодей, а несчастный...

П а в л а. А я думала пожить тихо, чтобы все вокруг были добрые, улыбались бы и верили, что ты никому зла не хочешь...

С о ф ь я. В это – не поверят, нет...

П а в л а. Отчего же, отчего?

С о ф ь я (встала, ходит). Не поверят... Ты очень хорошо сказала: чтобы все улыбались...

П а в л а. Как перед праздником: уже всё сделано, убрались, устали и с тихой радостью ждут светлого дня.

С о ф ь я. До праздника – далеко, дружок! И сделано для праздника мало...

П а в л а. Ах, господи! Тётя Соня – научи меня!

С о ф ь я. Чему?

П а в л а. Как лучше жить с людьми...

С о ф ь я. Сама не знаю... не знаю! Жизнь проходит в пустяках, в тумане...

П а в л а. Чего тебе хочется?

С о ф ь я. Мне? (Остановилась, говорит негромко, с большой силой.) Мне хочется

нагрешить, набуянить, нарушить все законы, всё спутать, а потом, как взойдешь высоко над людьми, – броситься под ноги им: милые люди, родные мои люди! не владыка я вам, а низкая грешница, ниже всех, и – нет вам владык, и не нужно нам владык...

П а в л а (испуганно, тихо). Зачем это? Что ты?

С о ф ь я. Чтобы освободить людей от страха друг пред другом... Некого бояться! А все – напуганы, подавлены, живут в страхе – ты сама видишь это! Никто не смеет сказать до конца своё слово...

(Антипа стоит в дверях, прислушиваясь.)

П а в л а. Это... я не понимаю! Ведь так – погубишь себя?..

С о ф ь я. Людей ради – бог погиб, говорил отец Шохина.

А н т и п а. О чём толкуете?

П а в л а. Ой!

А н т и п а (подходя к ней, обиженно). Чего же испугалась? Не виновата – не бойся. Про что говорили?..

П а в л а. Так – разное...

А н т и п а (сестре, грубовато). Говорить надо меньше...

(Софья ходит, не глядя на него, скрывая волнение.)

П а в л а (ласково). Кричать меньше надо... вы вот всё кричите, это не нужно...

А н т и п а (мягко). Я – не со зла, а... просто такой голос грубый. Надо бы чайку попить, а, хозяйка? Поди-ка, снаряди... Здесь накрыть веля. И – закуску... Иди, милая! (Павла уходит; проводив её глазами, он говорит сестре обиженным тоном.) Портишь ты мне её... (Софья молча прошла мимо. Он повторяет настойчиво.) Портишь ты мне жену-то, говорю!

С о ф ь я (вдруг, резко). Молчи!

А н т и п а (отшатнулся). Постой... что ты?

С о ф ь я. Ну – хорошо тебе – спокойно, сладко – с молодой?

А н т и п а (опускается в кресло, тихо). Она – жаловалась?

С о ф ь я (успокаиваясь). Нет. Поверь мне – нет! Извини меня, я дурно настроена... тяжело на душе у меня... извини!

А н т и п а (тихо). Испугался я. Господи помилуй! Я, брат, так люблю её... сказать не могу!

С о ф ь я (снова ходит). Счастья это не дает ни тебе, ни ей...

А н т и п а. Ну... ты погоди ещё! (Молчание.) Соня?

С о ф ь я. Что?

А н т и п а. А... как она с Михаилом – ничего?

С о ф ь я (останавливаясь перед ним). Ты это брось – слышишь? Не внушай этой мысли ни себе, ни кому! Хевеверн где?

А н т и п а (махая рукой). Там... в планы залез. Ну его... надоел!

С о ф ь я. Ты для него становишься слишком выгодным компаньоном...

А н т и п а (настораживаясь). Как это?

С о ф ь я. Так. Не разевай рта.

А н т и п а (ухмыляясь). Во-он что! А я думал, у тебя с ним...

С о ф ь я. Не о том думаешь...

А н т и п а (вздыхнув). Трудно тебя понять, Соня!

С о ф ь я. При Павле на Мишу орать не надо - понимаешь?

А н т и п а. Ну, ну... Досаден парень... беда как! Что живёт, чего ради?

С о ф ь я. О себе подумай...

А н т и п а (задумчиво). Павлу я не обижу...

С о ф ь я. Над матерью её не смейся...

А н т и п а. Не люблю бабу эту...

С о ф ь я (прислоняясь к перилам). Устала...

А н т и п а (вскочил, подходит к ней). Что ты? Воды дать?..

С о ф ь я (прислоняясь к нему). Нехорошо...

А н т и п а. Отчего? Ах ты, господи!.. Соня - в чём дело-то?

С о ф ь я. Подожди... О, боже мой...

А н т и п а (обнял её). Эх ты, головушка! Пойдём, ляг, отдохни...

(Уводит её. Из сада выходит Тараканов; на террасе - Михаил, остановился у стола, наливает вина, пьёт.)

Т а р а к а н о в. Уехал немец-то?

М и х а и л. Он - швед. Или - грек.

Т а р а к а н о в. Это всё равно - чужой. Уехал?

М и х а и л. Останется ужинать...

Т а р а к а н о в. Гм... Удивительно!

М и х а и л. Что?

Т а р а к а н о в. Неужто никто не слышит, что от него жуликом пахнет?

М и х а и л. Ну-у... У вас все жулики!

Т а р а к а н о в. Не все, а - девять, десятый - дурак.,, Где Софья Ивановна? Она всё видит...

М и х а и л. Не знаю я... не знаю! (Садится на ступени, закуривает. Тараканов, жестикулируя, что-то бормочет, уходит. Из дома выходит Павла, улыбаясь, останавливается сзади Михаила и концом шарфа щекочет ему шею.)

М и х а и л (не оборачиваясь, грубовато). Смотрите, отец увидит - шум будет...

П а в л а (с гримасой). Уж и пошутить нельзя... Я молодая, мне скучно...

М и х а и л. Всем скучно...

П а в л а. Есть же где-нибудь весёлая жизнь!

М и х а и л. Поищите...

П а в л а. Пойдёмте в сад...

М и х а и л. Мне – в контору нужно. Докурю и пойду зарабатывать хлеб мой, в поте лица...

П а в л а (сходя по ступеням). Ну, я одна... Вот пойду так и буду идти неделю, месяц – прощайте!.. Вам будет жалко меня?

М и х а и л. Мне давно вас жалко...

П а в л а. Это – неправда... Не верю я... (Идёт. Обернулась, грозит ему пальцем.) Неправда!

(Михаил угрюмо смотрит вслед ей, гасит папиросу, встаёт, сзади его – отец.)

А н т и п а. Куда?

М и х а и л. В контору...

А н т и п а. Про какую это неправду говорила она?..

М и х а и л. Не знаю... не понял я...

А н т и п а. Не понял? (Смотрит на сына хмуро, видимо, хочет что-то сказать – отмахнулся от него.) Иди! (Опустив голову, медленно идёт за Павлой, из-за угла выглядывает Анна Марковна, грозит ему кулаком.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Просторный кабинет, большой письменный стол, направо – камин, налево – две двери: одна маленькая – в спальню Софьи, другая – во внутренние комнаты. В задней стене два окна и дверь на террасу. С о ф ь я с бумагами в руках стоит у стола; М у р а т о в, собравшийся уходить, бьёт себя по ноге измятой шляпой. Осенний серый день смотрит в окна, за стёклами качаются голые сучья.

С о ф ь я (задумчиво). Ещё один вопрос...

М у р а т о в (наклоня голову). Хоть десять!

С о ф ь я. Скажите мне, просто и прямо, что побудило вас собрать эти бумаги?

М у р а т о в. Моё чувство...

С о ф ь я. Оставим чувства в покое...

М у р а т о в. Ну – что же я скажу тогда? (Пожал плечами, усмехается.) Уж очень вы строги со мною – терпенья нет! Я даже и не назвал – какое чувство...

С о ф ь я. Ревность, что ли?

М у р а т о в. Представьте – нет!

С о ф ь я. Желание причинить мне неприятность, да?

М у р а т о в. Тоже – нет. Боюсь, что не сумею объяснить вам так, чтоб это не рассердило вас и чтоб вы поняли. (Подумав.) Не поймёте, наверное; я сам плохо понимаю, в чём тут дело...

С о ф ь я. А всё-таки?

М у р а т о в (вздыхнув). Есть между нами некий спор, – есть, как вы думаете? (Она молча кивает головой, присматриваясь к нему.) Ну так вот эти бумаги – доказательство, что прав – я, а вы ошибаетесь.

С о ф ь я (вздыхнув). Уклончиво.

М у р а т о в. Позвольте откланяться...

С о ф ь я (оглядывая его). Прощайте. Отчего вы так легко одеты? Ветер, может пойти дождь...

М у р а т о в (тихонько смеётся). О, не беспокойтесь!

С о ф ь я. Почему вы смеётесь?

М у р а т о в. Есть причина... есть, уважаемая женщина! Я - ушёл.

С о ф ь я. Извините - не провожаю. Вы зайдёте в контору? Пожалуйста, пошлите ко мне Тараканова...

(Бросив бумаги на стол, вытирает руки платком, потом крепко прижала пальцы ко глазам. В дверь из сада входит Антипа, нездоровый, встрепанный, в толстом пиджаке, без жилета, ворот рубахи расстегнут, на ногах валяные туфли.)

С о ф ь я (вспыльчиво). Надо спрашивать - можно ли войти!

А н т и п а (равнодушно). Ну, вот ещё... новости!.. Что я - чужой, что ли?

С о ф ь я. Что тебе нужно?

А н т и п а. Ничего. (Осматривает комнату.)

С о ф ь я (присматриваясь к нему, мягче). Ты что шляешься растрёпой таким?

А н т и п а (садясь в кресло у камина). Умру - нарядишь.

С о ф ь я. Н-но, здравствуйте!

А н т и п а. Не люблю я старых этих барских домов. Не дома - гроба! И запах даже особый, свой. Напрасно я к тебе переехал. Чужой стал я всему...

С о ф ь я. Перестань, пожалуйста... Не время мне слушать этот вздор. (Входит Тараканов, она протягивает ему толстую папку со стола.) Матвей Ильич, отберите, пожалуйста, все счета и документы по Чернораменской даче и по Усеку. Здесь и сейчас... (Садится к столу, пишет. Тараканов пристроился за столиком у камина, надел очки; Антипа смотрит на него, улыбаясь.)

А н т и п а. Что в газетах пишут?

Т а р а к а н о в (мрачно). Китай ополчается...

А н т и п а. Противу кого?

Т а р а к а н о в. Против нас. По наущению немца.

А н т и п а. Не любишь ты немцев!

Т а р а к а н о в. Нисколько не люблю.

А н т и п а. За что?

Т а р а к а н о в. Они нас умнее.

А н т и п а. Умных надо уважать.

Т а р а к а н о в. Я уважаю. Только не люблю.

А н т и п а. Чудак ты, брат...

Т а р а к а н о в. У нас все, кто поумнее, чудачки...

А н т и п а. Это, пожалуй, верно! (Подумав.) Хоша - ты вот и не больно умён, а тоже чудак.

Т а р а к а н о в. Это неверно.

А н т и п а. Сказывай! А зачем мундир снял, службу бросил?

Т а р а к а н о в. Объяснял я это.

А н т и п а. Объяснял, да не объяснил.

Т а р а к а н о в. Отойди, сказано, ото зла и сотворишь благо...

А н т и п а (ударив ладонью по ручке кресла). Дудки! Ничего не сотворишь, отойдя ото зла, ничего, таракан! Нет, ты иди в самое во зло, в сердце ему бей, вали его наземь, топчи, уничтожь, а не поддавайся ему, не давай одолеть тебя – вот как надо! Верно говорю, Софья?

С о ф ь я. Верно. Не мешай мне...

Т а р а к а н о в. Это – просто один крик, слова, барабанная дробь. Погоди, навалится на тебя злое – сам побежишь прочь...

А н т и п а. Я? Нет, я не из таких. Я, брат, знаю: жизнь наша кулачный бой! Я – не убегу.

Т а р а к а н о в. Поглядим.

С т ё п к а (из двери налево). Антип Иванович, мужики пришли.

А н т и п а. Какие?

С т ё п к а. Каменские...

А н т и п а. Вот я им задам, прохвостам!

С о ф ь я. Подожди, они не виноваты! Я знаю – это Хеверн приказал им...

А н т и п а. Ну? Верно?

С о ф ь я. Верно, верно...

А н т и п а (уходя). Бестолковая немчура...

Т а р а к а н о в. Потолковее нас...

С т ё п к а. Софья Ивановна, дай мне книжку...

С о ф ь я. Спроси у Миши.

С т ё п к а. Он меня прогнал. Он молодой хозяйке в ухо поёт...

С о ф ь я. Это что такое?

С т ё п к а. Сидят на диване рядышком, а он ей песню поёт.

С о ф ь я. Ну – иди, иди! И не болтай пустяков.

С т ё п к а. Я – только тебе!

(Ушла.)

Т а р а к а н о в (ворчит). Молодая хозяйка... Какая она хозяйка?

С о ф ь я. Вы давно знаете Муратова?

Т а р а к а н о в. Я? Лет десять.

С о ф ь я. А как вы о нём думаете?

Зыковы. Максим Горький gorkiۛmaxim.ru

Т а р а к а н о в (глядя на неё через очки). Раньше – давно – думал хорошо. Затевал он тут весьма много полезного по своей части, по лесной, новые насаждения и всё такое. Хворост крестьянам давал, много очистил леса, осушил. Потом – вдруг, словно ударился обо что, – ослеп и озлился. Теперь очень неприятное лицо. Люди у нас – соломенные; вспыхнет, сгорит, дыму – не мало, а – ни света, ни тепла.

С о ф ь я (внимательно слушает, облокотясь на стол). А что в нём неприятно вам?

Т а р а к а н о в. Мне? Да то же, что и всем... не любит он никого, злит всех, ссорит... Сплетник... ну, и по женской части нечистоплотен... А – умный ведь...

П а в л а (входит). Можно к тебе?

С о ф ь я. Конечно!

П а в л а. Холодно везде...

С о ф ь я. Вели затопить камин.

Т а р а к а н о в (подавая пачку бумаг). Извольте-ка... Могу идти?

С о ф ь я. Благодарю вас. Пошлите, по дороге, Стёпу. И – Мишу...

П а в л а. Почему ты такая нарядная?

С о ф ь я. Гостя жду.

П а в л а. А Миша опять стихи сочинил.

С о ф ь я. Хорошо?

П а в л а. Да. Про сосны.

С о ф ь я. Он выпивши?

П а в л а (вздохнув). С утра.

Ц е л о в а н ь е в а (в двери). Конечно – мальчик должен пить мёртвую.

С о ф ь я. Почему же должен?

Ц е л о в а н ь е в а. А – обидели!

С о ф ь я. Мало ли обиженных!

Ц е л о в а н ь е в а. Все и пьют. А вы думаете – отчего пьют? И отец твой от обиды пил: он был умный, а никто за ним этого не признавал. Он и стал ум свой озорством доказывать, вот – как лесничий! Его, конечно, судить, а он того пуще озорует. Много ли человеку надо? Душа человечесьа детская, душа недотрога... Зачем, бишь, я пришла? Да, Софья Ивановна, вы Стёпке жёлтую ленту подарили?

С о ф ь я. Подарила, а что?

Ц е л о в а н ь е в а. Ну, тогда – ничего. А то она запутала в мочало своё ленту и пялится на кухне перед зеркалом...

П а в л а. Бросьте это, мамочка!

Ц е л о в а н ь е в а. Да мне что? Своё добро береги, а чужое вдвое...

(Степка входит.)

Ц е л о в а н ь е в а. Вот она, красавица...

С т ё п к а. Звали меня?

Ц е л о в а н ь е в а (уходя). Конечно, звали. Какая без тебя жизнь!

С о ф ь я. Затопи камин, Стёпа...

С т ё п к а (убегая). Ух, не любит меня бабушка... страсть сердитая!..

С о ф ь я. Славная девчоночка...

П а в л а. Одна она в доме весёлая. Только дерзкая очень.

С о ф ь я (подходя к ней). Скажи-ка ты Антипе, чтоб он тебя в Москву свозил...

П а в л а. Зачем?

С о ф ь я. Посмотришь, как живёт столичный город.

П а в л а (равнодушно). Хорошо, я скажу.

С о ф ь я (положив руку на голову ей). Тебе этого не хочется?

(Из внутренних комнат вошёл Михаил, посмотрел на них и опустил тихо в кресло. Почти не видный за портьерой, сидит и дремлет.)

П а в л а. Ехать? Нет. Мне – уснуть хочется на год, на три... а проснусь – и чтобы всё было другое...

С о ф ь я. Это – ребячество, Павла! Надо учиться самой строить свою жизнь. Нельзя ждать, что другие сделают необходимое тебе.

П а в л а. Не сердись на меня, пожалуйста!

С о ф ь я. Ты – молодой человек, сердце у тебя доброе, людей тебе жалко, – да?

П а в л а. Я знаю, что ты хочешь сказать. Право же, Миша мне вовсе не нравится, просто я люблю, когда он говорит.

С о ф ь я (удивлённо отклонилась). Я не про это! Но, уж если ты сама начала, так я скажу – ты плохо ведёшь себя с ним! Он – не ребенок, и это может кончиться худо для тебя.

П а в л а. Ах, мне так скучно! Что же мне делать? Он такой занятный...

С о ф ь я. Уезжай с Антипой, а я без вас устрою Михаила.

П а в л а. А может, лучше с мамашей?

С о ф ь я. Тебе тяжело с мужем?

(Павла молча жметя к ней.)

С о ф ь я (поднимая голову её, смотрит в глаза). Милая, я это понимаю... Я говорила тебе, что у меня муж тоже был...

С т ё п к а (вбегает). Софья Ивановна – немец приехал, нарядный ужаси!

С о ф ь я. Вот... (Провела рукой по лицу.) Ну, Павля, ты оставь меня...

П а в л а (вскакивая). Ах, господи... как я желаю тебе...

С о ф ь я. Спасибо, милая!.. Скажи, Стёпа, что я прошу его... (Оставшись одна, прикрыла книгой бумаги на столе, оправляет волосы перед зеркалом, увидала в кресле Михаила.) Миша! Ты – давно здесь?

М и х а и л. Давно...

С о ф ь я. Слышал, что мы говорили?..

М и х а и л. Слышал что-то... Немец приехал. Монашка что-то сочиняла...

С о ф ь я. Сочиняла?

М и х а и л. Ну, конечно. Она же всегда сочиняет... Она всё ещё живёт в куклы играя. И я для неё – кукла, и отец, и ты... Она на всю жизнь такой будет.

С о ф ь я. Знаешь – это, пожалуй, верно!

М и х а и л. Зачем ты меня звала?

С о ф ь я. Теперь не нужно уже. Иди, пожалуйста... Я потом позову тебя.

М и х а и л (вставая). Пошёл. Выходи-ка ты замуж за этого немца и гони всех нас к чертям в болото... всех, вместе с романическим папашей и его второй молодостью...

С о ф ь я. Ах, да иди же!

М и х а и л. Ш-ш! Тебе нужно быть в полном обладании всеми чувствами... Здравствуйте, цивилизация и культура!

Х е в е р н (одетый очень парадно, бриллиант в галстук и на пальце левой руки. Молча здоровается с Михаилом, целует руку Софьи, идёт за нею к столу). Вы, вероятно, догадываетесь, почему я просил вас принять меня сегодня...

С о ф ь я (садясь). Кажется – догадываюсь...

Х е в е р н. Это очень приятно мне...

С о ф ь я. Да?

Х е в е р н. Это устраняет лишние объяснения. Можно курить?

С о ф ь я. Как всегда. (Пододвинула ему пепельницу, спички.)

Х е в е р н. Я несколько волнуюсь...

С о ф ь я. Дать воды?

Х е в е р н. О, нет! Это волнение естественно...

С о ф ь я. У вас очень внушительный вид сегодня...

Х е в е р н. Если б и мысли мои внушили вам доверие ко мне...

С о ф ь я. А вот – познакомьте меня с ними.

Х е в е р н. Такова и есть цель моего визита! (Раскуривает сигару.) Вы знаете, что я очень уважаю ваши идеи, они вполне отвечают моим задачам.

С о ф ь я. Весьма лестно слышать это.

Х е в е р н (кланяясь). Да. Я говорю искренно. Вы, конечно, не откажете мне в знании России и русских людей – я умею видеть много и хорошо! Я восемнадцать лет среди русских, я изучил их, и мой вывод есть такой: Россия страдает прежде всего недостатком здоровых людей, умеющих ставить себе ясные цели. Вы – согласны?

С о ф ь я. Далее.

Х е в е р н. Да. У вас очень редки люди, уверенные в себе, в своих силах. У вас очень много метафизики – мало математики...

С о ф ь я. Вы говорили это не раз...

Х е в е р н. Я так думаю! Теперь – вы: вы женщина с умом и характером.

С о ф ь я. Благодарю вас...

Х е в е р н. Это – правда! Я даже думаю о вас аллегорически: Софья Ивановна –

Зыковы. Максим Горький gorki.ucoz.ru

это новая, здоровая душой Россия, которая, в условиях, достойных её, может делать всякое дело, может делать очень много культурной работы.

С о ф ь я. Вы меня захвалите...

Х е в е р н. Это всё совершенно серьёзно! И потому союз со мной, который я вам предлагаю, имеет очень глубокий смысл. Это – более, чем просто брак, да! Моя энергия и ваша – о! – это будет колоссально! Когда два сильных лица понимают свои задачи, это очень... важно, особенно для России, в те дни, когда она должна, наконец, бросив всякие эти... мечтания, взяться за простое дело жизни, поставить себя на крепкую ногу... Ваш брат увлечён семейной жизнью, он стал плохо работать, как я имел честь не однажды указать вам, заботясь о ваших интересах...

С о ф ь я. Вы впервые объясняетесь в любви?

Х е в е р н (несколько смущён). Позвольте – теперь вопрос не этот! О чувствах я говорил вам – четыре раза.

С о ф ь я. Четыре? Так ли?

Х е в е р н. Так. Я – помню! Первый раз – в саду предводителя дворян, на именинах его, когда был дождь и вы промочили ноги. Второй – здесь, на берегу пруда, на скамье. Вы тогда смутили меня, сказав шутливо о лягушках, что они тоже квакают – про любовь...

С о ф ь я. Третий и четвёртый я помню.

Х е в е р н. Это, конечно, верно, о лягушках, но – извините – это была несвоевременная шутка! Когда сердце человека жадно хочет...

С о ф ь я. Давайте прекратим эту беседу, Густав Егорович...

Х е в е р н (удивлён). Почему?

С о ф ь я. Нужно ли объяснять?

Х е в е р н (встал, обиженно). О, конечно, нужно объяснить, когда кто-нибудь не понимает... Я сочту себя оскорблённым, если вы откажете...

С о ф ь я. Вот как? Хорошо! (Встала, ходит.) Вы предлагаете мне спасти Россию вместе с вами...

Х е в е р н. Это – утрировано!

С о ф ь я. Ну, вы предлагаете что-то в этом роде. Я – не считаю себя способной к делу столь трудному. Это – первое. Второе: вас я тоже не могу признать достойным этой роли...

Х е в е р н. Позвольте – какой роли?

С о ф ь я. Ну, скажем, роли культурного работника.

Х е в е р н (с улыбкой). О! Почему?

С о ф ь я. Потому что вы мелкий хищник.

Х е в е р н (изумлён больше, чем обижен). Позвольте! Это уже... это я не ожидал! И это – я не понимаю...

С о ф ь я. Я говорю обдуманно. На столе у меня лежат документы, уличающие вас в целом ряде поступков нечестных...

Х е в е р н (сел, грубо). Таких документов не может быть!

С о ф ь я (стоит за столом; спокойно, веско). У меня копия вашего договора с буяновскими мужиками. Мне известна ваша сделка с предводителем...

Х е в е р н (пожимая плечами). Это – коммерция...

С о ф ь я (тише, с усилием). Вы убеждали Тараканова составить фальшивую опись...

Х е в е р н. Тараканов – психически больной...

С о ф ь я. А Шохин, которого вы пытались подкупить, – тоже больной?

Х е в е р н. Всё это искажено...

С о ф ь я. Вы всё бесцеремонней и глубже залезаете в карман моего брата – по-вашему, эта деятельность необходима в России?

Х е в е р н (отирая лицо платком). Вы можете выслушать мои объяснения?

С о ф ь я (ходит, усмехаясь). Ну, сударь мой, какие же тут объяснения могут быть? Все ясно!

Х е в е р н (аккуратно гасит сигару). Значит, вы меня считаете человеком нечестным и недостойным вашей руки?

С о ф ь я (остановилась удивлённая, потом смеётся). Ну, знаете, вы очень наивный человек!

Х е в е р н (улыбаясь, разводит руками). Если я и допустил... что-нибудь излишнее, то это потому, что я был уверен в вашем доброжелательном отношении ко мне...

С о ф ь я. Не понимаю...

Х е в е р н. Мне казалось, что вы считаете меня своим другом, моё дело – вашим!

С о ф ь я. Ах, вот что! Ну, вы ошиблись...

Х е в е р н. Ошибки нужно извинять. Я думал, что, видя, как ваш брат ведёт дела, вы меня не только не осудите, но моя предусмотрительность...

С о ф ь я (подходит к нему; тихо, но твёрдо). Ступайте вон!

(Хеверн, вспыхнув, делает движение к ней, она схватила что-то со стола; несколько секунд они стоят друг против друга молча.)

Х е в е р н (отступая). Вы – очень грубая женщина! Вы – смешная, да!

(Быстро идёт к двери, надев шляпу ещё в комнате. Софья, присев на край стола, одной рукой прикрыла глаза, другой – крепко трёт колено.)

С т ё п к а (в двери, смотрит на неё, вздыхает). Печку-то затопить?..

С о ф ь я (глухо). Не нужно... Впрочем – затопи...

С т ё п к а. Шохин к тебе просится...

С о ф ь я. Ах, пусть подождёт...

С т ё п к а. Ему в лес ехать надо...

С о ф ь я. Отстань! Ну, зови... Скорее!

(Стёпка убежала, в двери столкнулась с Антипой.)

А н т и п а. Эк тебя беси носят!.. Соня – что такое? Немец в зале наскочил, зелёный весь, шипит, не попрощался...

С о ф ь я (грубовато). Он тебя за этот год обобрал тысяч на десять...

А н т и п а. Ну-у? Молодец, не зевает... Эхма, люди!.. А Павла говорит – надо быть добрым; люди, говорит, соскучились по сердечному доверию к ним. Павла-то

где – не знаешь?

С о ф ь я. Ты бы поехал куда-нибудь...

А н т и п а. Вот ещё... зачем?

С о ф ь я (прячет в стол бумаги). Обленился ты, Антипа... Смотреть на тебя неприятно... Оставь-ка ты меня... что ты целый день бродишь?

А н т и п а (уходя, грубо). Место себе ищу...

(Софья ходит по комнате, оправляя волосы. Стёпка с пучком лучины, в двери Шохин; Софья смотрит на него и молчит.)

Ш о х и н. Шохин пришёл.

С о ф ь я. Да. Ну, что, Яков? Скорее!

Ш о х и н. Рассчитай меня. Отпусти...

С о ф ь я. Хорошо... Постой – почему это?

Ш о х и н. Так. Есть причина.

С о ф ь я. Ну, что ж... Очень жаль...

Ш о х и н. И мне жаль.

С о ф ь я. Обидел кто-нибудь?

Ш о х и н. Нет...

С т ё п к а. Врёт он, его святенькая обижает, монахинька эта, святоша...

Ш о х и н. Прогони Стёпку...

С т ё п к а. Сама уйду...

(Убежала.)

Ш о х и н. Причина та, что не могу я при молодой хозяйке, боюсь её...

С о ф ь я. Что такое?

Ш о х и н. Жмёт она меня... всё глядит эдак жалостно... ну, – я не хочу! Конечно, человек я виноватый... однако – не каждый день судить меня, это уж не суд, а мука будет!.. Вошла она в дом и вроде как песку насыпала в машину нашу... Нехорошо с ней. Вон и ты извелась...

С о ф ь я (смотрит на него, не слушая, тихо говорит). А глаза такие славные, мягкие...

Ш о х и н. У неё? Ты глазам не верь – делу верь! А дела от неё не будет хорошего...

С о ф ь я. Это я не про неё сказала...

Ш о х и н. Эти, которые тихие, они близко подползают – метко жалят. Змея – тиха.

С о ф ь я. Ну, ладно, оставь...

Ш о х и н. Немцу – тоже не верь. Чужой человек и бесстыдный... А насчёт этого... усопшего, насчёт жены, детей... его...

С о ф ь я. Ладно, не беспокойся... Куда же ты пойдёшь?..

Ш о х и н. В город. А там – не знаю...

С о ф ь я. Жалко мне тебя...

Ш о х и н. И мне тебя. Одна ты тут... Хозяин-то без вина пьян. дай тебе бог во всём удачи!.. Прощай, Софья Ивановна!

С о ф ь я. Прощай... (Подает ему руку, он взял и держит, глядя на неё исподлобья.) Может, передумаешь?

Ш о х и н. Нет. Я лучше вернусь, когда она помрёт.

С о ф ь я. Кто-о? Зачем ей умирать?

Ш о х и н. А жить зачем? И жить ей тоже незачем... Прощай... (Уходит, пятясь задом.)

С о ф ь я (смотрит вслед ему, трёт глаза руками и бормочет). Кошмар какой-то! (Видит в зеркале, что Павла, проходя с Михаилом мимо двери, играючи прижалась к его плечу; тихо, испуганно зовёт: "Павла!" Они входят рядом, Михаил смущённо улыбается.)

М и х а и л. А, огонь! Это - славно!

П а в л а. Ты что какая хмурая?.. (Обнимает её.) Ты послушай-ка, что Миша сочинил...

С о ф ь я (заглядывая в лицо ей). Дитя моё, ещё недавно, сегодня я говорила тебе...

М и х а и л. Ой, серьёзный разговор!..

С о ф ь я. Я тебя попрошу уйти...

М и х а и л (садясь на пол к огню). Нет, не уйду...

С о ф ь я (устало). Вы, кажется, с ума свести меня хотите... право!

Ц е л о в а н ь е в а (входит). А я вас ищу везде... Вы бы не прятались, а то хозяин сегодня совсем не в уме... орёт на всех...

С о ф ь я. Анна Марковна, мне нужно поговорить с ними один на один.

Ц е л о в а н ь е в а (обиженно). Хорошо, матушка, я уйду... Хотя и мать...

М и х а и л. Тётя Соня, право же, не о чём говорить... ничего нового нет! Ты, в самом деле, послушай-ка вот, что я сочинил...

П а в л а (смотрит на Софью, прищурив глаза, покачиваясь на ногах). Я тоже не хочу говорить ни о чём...

С о ф ь я (осматривает всех, идёт к столу). Ну, хорошо... Давайте посидим молча, успокоимся...

П а в л а. Миша, да читай же...

М и х а и л. Готов, маменька...

П а в л а. Опять? Я же просила не называть меня так!

М и х а и л. Это - законный титул.

С о ф ь я (нетерпеливо). Читай, Михаил...

М и х а и л (усмехаясь). Сейчас... дай припомнить...

П а в л а. А я - помню...

Ц е л о в а н ь е в а (из двери громко шепчет). Отец идёт перестаньте!

С о ф ь я. Анна Марковна, зачем вы...

Ц е л о в а н ь е в а. Опять не угодила...

(Павла жмётся к Софье; Михаил, сидя на полу, хмурится, отодвигаясь в тень.)

А н т и п а (входит, угрюмо смотрит на всех, опустив руки, шевеля пальцами). Отчего же перестать надобно? Ну – собрались все в одну комнату... стихи, разговор... что ж такое? Ничего ведь нет такого... (Внезапно, с тоской.) Да не бойтесь вы меня, чорт вас возьми, ведь такой же я человек, как все!..

С о ф ь я. Тише, Антипа...

А н т и п а. Молчи! Что ты всё останавливаешь меня? Что все бегут меня? Зверь я, что ли? Ну? Это когда человек один оставлен – он звереет, конечно...

М и х а и л. Папаша!

А н т и п а. Ну?

М и х а и л. Прибавьте жалованья Шохину, Якову!

А н т и п а (медленно). Это – что такое? Насмешка?

М и х а и л. Ей-богу – нет! Просто – он веселее будет!

А н т и п а. Это что, Софья?

С о ф ь я. Так, дурит Миша! Шохин уходит от нас.

А н т и п а. Уходит? Куда?

С о ф ь я. Не знаю...

П а в л а. Вот – хорошо... Боюсь я его...

А н т и п а. Ты – всего боишься... И – напрасно... (Задумался.) Так уходит Яков? Дела... Что это он?

М и х а и л. Я не знал этого...

А н т и п а. А что ты знаешь? Отец – лесом торгует, а сын – стишки стряпает. Довольно смешно...

М и х а и л. Начинается...

(Все молчат. Павла что-то шепчет Софье.)

А н т и п а. При людях будто не шепчутся...

С о ф ь я (с тоской). Делали бы вы что-нибудь! Ели бы хоть, пили!.. Анна Марковна – устройте вы чай, что ли...

Ц е л о в а н ь е в а. Чай пить рано ещё...

С о ф ь я. Миша, нужно проверить счёт Хеверна...

М и х а и л. Сейчас?..

С о ф ь я. Да!

М и х а и л. Это ты выдумала, чтобы разогнать всех. Заняла самую лучшую комнату в доме и не любишь, когда у тебя сидят...

С о ф ь я. Фу, какой вздор...

М и х а и л. Не вздор...

А н т и п а (Павле). Ты что молчишь?..

Ц е л о в а н ь е в а. Вот извольте! Пошепталась – нельзя, молчит нельзя...

А н т и п а. Баба – цыц!

Ц е л о в а н ь е в а. Ой, батюшки... Пашенька!

А н т и п а. Что ты всё мутишь тут, а?

С о ф ь я. Антипа, опомнись!

А н т и п а. Молчи, сестра! Я всё вижу, ты слепая...

П а в л а (негромко, очень твёрдо). Антипа Иванович, я прошу вас не кричать на мамашу!..

А н т и п а. Не рассыплется она от моего крика.

П а в л а (пододвигаясь к нему). Вы – нехороший, злой человек! Я вас не люблю... Я – боюсь вас!

А н т и п а. Павла, Павла, господь с тобой...

С о ф ь я. Подожди! Слушай, Павла...

П а в л а. Нет, вы меня послушайте... Я люблю Мишу...

М и х а и л. Н-ну!.. (Прячется ещё дальше в тень.) Не верь ей, отец, это она выдумала от скуки...

(Антипа сел в кресло, молча смотрит на жену, страшен.)

П а в л а (вздрагивая). Ну, да... ну, господи же!.. Убейте меня за это... всё равно! Я знаю, – Миша меня не любит... я знаю... что же? А я люблю его... он лучше всех... Ну – убейте меня!

Ц е л о в а н ь е в а. Пашенька – зачем ты говоришь?..

С о ф ь я. Анна Марковна, я прошу вас уйти!..

А н т и п а. Эх, Павла... уйди! Уйди скорее... Сестра... уведи её... Скорее!..

(Софья молча обнимает Павлу, ведёт её вон; за ними, тенью, бесшумно, Целованьева. Михаил прижался за камином, на полу.)

А н т и п а (сидит окаменевший, быком смотрит в пол, бормочет). Вот как... Вот, брат, как... старик... да...

(Возится в кресле, расстегнул ворот рубахи, взял линейку со стола, сломал её, швырнул в камин. Книгу взял, взглянул на неё, бросил на пол. Нашёл маленький револьвер, усмехнулся и, прищурив глаз, смотрит в дуло. Лицо его становится спокойнее, серьёзней, положил руку с револьвером на колено и, схватившись другой рукой за бороду, замер, закрыл глаза. Михаил испуганно, тихонько идёт к нему, схватил револьвер, но не успел вырвать.)

А н т и п а (вскочив на ноги). Ты?

М и х а и л. Слушай, отец...

А н т и п а. Уйди... прочь!

М и х а и л (отошёл к двери). Я не виноват. Мне ничего не надо. Ты слышал, она сама сказала... Не верь ей...

А н т и п а. Всё едино... всё едино...

М и х а и л. Я эти мысли знаю...

А н т и п а. Какие?

М и х а и л (указывая на оружие). Вот эти...

А н т и п а (швырнул револьвер на пол, к двери). Дурак... Ты думаешь, я из-за тебя решусь... Эх, пьяница!.. Иди вон!

М и х а и л. Не думай обо мне плохо. Я знаю – я человек бесполезный, больной, мне стыдно пред тобою, пред всеми... Честно говорю тебе – ничего я не ищу у мачехи...

А н т и п а (ревёт, рычит). Отойди, убью ведь! Забуду, что ты сын мне... (Вдруг бросился, схватил сына за горло, встряхивает.) Вот какие мысли в башке твоей поганой...

М и х а и л. Это – не мои, твои мысли...

А н т и п а. Что-о?

М и х а и л. Я тебя старше душою... Я не повинен ни в чём...

А н т и п а. Ты у меня сердце вынул...

С о ф ь я (вбегает). Пусти! ну? миша – беги!

(Михаил выбежал, поднял револьвер.)

А н т и п а (слепо ткнулся к сестре, обнял). Софья... скорее, матушка! Гони всех... Её – спрячь... Мишка – пусть едет, уезжает! Софья – около меня великий грех ходит... Делай что-нибудь!.. Сердце моё... не дышит...

(Софья, усадив его в кресло, запирает двери.)

А н т и п а. Убило меня...

(Выстрел в доме. Антипа вскочил, смотрит на пол, не может ничего сказать.)

С о ф ь я (взглянув на стол, бросается к дверям, на ходу). Он взял со стола револьвер!..

А н т и п а (шатаясь). Это – Михайло... сын...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната. В кресле, у камина, А н т и п а, точно пьяный. Сзади его тихо шагает М у р а т о в, курит, задумчив.

А н т и п а. Что доктор-то говорит?

М у р а т о в. Я же не знаю, – ведь мы сейчас только приехали...

А н т и п а. Сейчас? Да...

М у р а т о в (опасливо взглянув на него). Он, вероятно, ещё не успел осмотреть...

А н т и п а. Меня Софья вытурила оттуда. (Помолчав.) А ты зачем приехал?

М у р а т о в. Я же говорю: доктор у меня сидел, прискакал Шохин...

А н т и п а. Шохин? Он тоже вот человека убил.

М у р а т о в. Я и поехал с доктором... Может быть, окажусь полезен...

А н т и п а. Ты?

М у р а т о в. Ну да...

А н т и п а. А – Шохин где?

М у р а т о в. В город послали, за лекарствами...

А н т и п а. Так. Всё можно объяснить...

М у р а т о в. Тут и объяснять нечего...

А н т и п а. Ну – нечего! (Усмехнулся.) А что, барин, не любишь ты меня?

М у р а т о в (на секунду остановясь). Пожалуй, теперь не время о любви говорить...

А н т и п а (повторяет медленно). О любви говорить не время... Слова-то какие... А я вот не боюсь сказать, что никого не люблю. Софью только... очень уважаю... (Помолчал.) А сказать – люблю... это очень опасно... Доктор-то пьяный?

М у р а т о в. Не сильно... Как всегда...

А н т и п а. А не повредит он Михаиле?

М у р а т о в. Н-но... вы же знаете, что он хороший доктор...

А н т и п а. Да. Он и человек хороший. Только вот, испортил ты его... Всех ты тут повредил... Михаила тоже... вредное ты лицо... Стой!

(Испуганно приподнимается с кресла.)

С о ф ь я (входит торопливо, рукава засучены). Ну, рана не опасна... слышишь, Антипа?

А н т и п а. Верно? Не опасна?

С о ф ь я. Конечно – верно...

А н т и п а (опускаясь в кресло). Спасибо тебе...

С о ф ь я (прошла в свою комнату, на ходу сказав Муратову). Не пускайте его никуда...

М у р а т о в (кивнув головой, обращается к Антипе). Вот, видите...

А н т и п а. Она тебе что шепнула?

С о ф ь я (выходит со свёртком в руках). Я сказала, чтоб ты не выходил пока отсюда...

А н т и п а. Чего ж ты ему говоришь, а не мне?..

С о ф ь я (уходя). А, пустяки...

М у р а т о в. Выздоровеет Миша...

А н т и п а. А я – до смерти заболел.

М у р а т о в. Э, всё пройдёт...

А н т и п а. Когда погрём. Ты мне ничего не говори, не надо. Утешенья мне не добыть... (Молчит. Муратов остановился, искоса смотрит на него.) Ты вот учился, законы знаешь... Скажи, отчего это: я человек здоровый, до дела – жадный... от большого здоровья, может, и плохо мне... а вот сын у меня слабый, ни к чему не привязан – это отчего, ну? Какой тут закон?

М у р а т о в (неохотно, неуверенно). Что ж... одно поколение работает... а другое устаёт... то есть рождается уставшим...

А н т и п а. Не понимаю...

М у р а т о в. Должно быть, на детях сказывается усталость отцов, в соках переданная...

А н т и п а. Поколение... слова всё какие-то... намекающие...

М у р а т о в. Какие же тут намёки...

А н т и п а. Да, вот – одни работают, другие от безделья поколевают... Нехорошо выходит...

М у р а т о в. Вы, смолоду-то, много пили?

А н т и п а. Я? Нет. Отец – пил. Жена выпивала... она из пьяной семьи... Скушно ей было со мной... я ведь дома-то почти и не жил... От неё всегда мятой, а то сухим чаем пахло... это она винный дух заедала... Михайлу – Софья испортила, он у неё жил... приучила его книги читать... стишки сочинять... Маятник, говорит, как медная секира, срубает головы минут – смешно: минуты с головами. Вроде муравьёв, что ли? А может, и нет тут ничего смешного...

(Закрыв глаза, будто задремал. Софья, в двери, делает знаки Муратову; он, взглянув на Антипу, подходит к ней.)

С о ф ь я. Миша хочет видеть его; я увела оттуда Павлу, но она может придти, идите к ней, задержите её; не нужно, чтоб она встретилась сейчас с Антипой, – понимаете?

М у р а т о в. Конечно! Но на какие пустяки тратите вы себя – это ужас!

С о ф ь я. Ну, идите...

М у р а т о в. Подумайте однако, вам ли...

С о ф ь я (сухо). Вы – идёте?

(Муратов, поклонясь, ушёл. Софья следит за ним, глядя в зеркало.)

А н т и п а (чуть подняв голову). Зачем он тебе?

С о ф ь я. Он мне не нужен.

А н т и п а. То-то! Лучше нищими жить али в разбой пойти, чем с эдакими вот...

С о ф ь я (подходя к нему). Слушай-ка...

А н т и п а. Соня? Как же так? Отец работал, я работал, накопил добра на тысячу человек, а девать его некуда. Для чего всё? Михайло – мёртвая душа... Ты бездетна...

С о ф ь я. Время ли теперь говорить об этом!..

А н т и п а. На-ко вот! А лесничий сказал: время ли про любовь говорить...

С о ф ь я. Нашёл с кем о любви беседовать, чудак!

(Положила руку на плечо его, он взял и рассматривает её пальцы.)

А н т и п а. Рука-то маленькая, а – твёрдая... Тебе бы не сестрой, женой моей быть, эх...

С о ф ь я (отняв руку). Вот что – Миша хочет видеть тебя...

А н т и п а (отшатнулся, привстал). Это – сам он захотел, али ты внушила?

С о ф ь я. Сам...

А н т и п а. Ей-богу?

С о ф ь я. Ну, вот ещё, божиться я буду...

А н т и п а (встал). Тяжело мне будет видеть его.

С о ф ь я. Идём!

А н т и п а. Мне всегда было тяжело смотреть на него. А в чём я виноват перед ним, а? Он – устал, а я – не устал. Эта – там?

С о ф ь я. Нет. Она ни в чём не виновата.

А н т и п а. Знаю. Они все, эдакие-то, ни в чём не виноваты. Это мы виноваты во всём, такие вот. Соня, что она... кто она, Павла эта?

С о ф ь я. Поздно спрашиваешь... Просто она – молодая девушка... живёт во сне своей юности...

А н т и п а. Нашёл я счастье... отдых...

С о ф ь я. Счастье стоит не дёшево...

А н т и п а. Маленькое-то!

С о ф ь я. Оно всегда маленьким кажется, пока его в руках держишь, выпусти – узнаешь, как велико и дорого... (Торопливо.) Это не про твой случай...

А н т и п а. Ладно уж... Я думал – дети будут...

С о ф ь я. Это ты теперь выдумал...

А н т и п а. Нет, думал, ждал... Женщина без детей – какая это радость?..

(Софья хотела что-то сказать, но, махнув рукою, отвернулась.)

А н т и п а. Ты что?

С о ф ь я. Я – жду. Идёшь?

А н т и п а. Иду. Соня, отчего бабам всегда тошно со мной было, скушно? И любит будто, а души не открывает, – отчего?

С о ф ь я. Перестань ныть!

А н т и п а. Разве я – ною? Я был красивый...

С о ф ь я. Ты был для женщин всегда половинкой человека.

А н т и п а. Врёшь...

С о ф ь я. Подумай, увидишь, что правда...

А н т и п а (смотрит на настенные часы). А что я буду говорить Михаилу-то?

С о ф ь я. Найди...

А н т и п а. Маятник, как секира... Мне ведь не жалко его. Мне только за себя стыдно... себя жалко – зря изломался.

(Софья задумалась, молчит.)

А н т и п а. Ну, что ж? Идём...

С о ф ь я (решительно). Нет, не ходи, не надо!

А н т и п а. А как же?..

С о ф ь я. Я скажу, что нездоров ты... задремал...

А н т и п а. А то - я пойду...

С о ф ь я (строго). Я сказала - не надо!

А н т и п а. Тогда я - через часок найду... пусть уляжется в душе... У меня, Соня, все мысли - пьяные, все - одичали... Игра у меня в душе страшная...

С о ф ь я. Говоришь ты много!

(Уходит спешно.)

А н т и п а (прошёлся по комнате, подошёл к столу, перебирает на нём бумаги, бормочет, протянув руку к двери). Ты, брат, тоже не всё понимаешь... нет! (Читает какой-то лист, бросил его, нахмурился, снова взял и читает ворча.) Так... постой? (Усмехается.) Э-э... ах, Соня! Вот оно что...

(Шохин осторожно входит с пакетами в руках, видя хозяина - делает движение назад.)

А н т и п а. Это кто?

Ш о х и н. Шохин пришёл. С лекарством.

(Оба несколько секунд молча смотрят друг на друга.)

А н т и п а. Вот, Яков, и я человека убил...

Ш о х и н. Тут - того и гляди...

А н т и п а. Да ещё сына... а?

Ш о х и н (угрюмо). Теснота. Не видать - кто чей...

А н т и п а. Ты, слышь, уходишь?..

Ш о х и н. Я - не из обиды...

А н т и п а. Вот - идём вместе...

Ш о х и н. Куда?

А н т и п а. А ты куда собрался?

Ш о х и н. Не знаю ещё.

А н т и п а. Ну, и я с тобой...

Ш о х и н. Коли вправду, так я подожду. Дела-то - на Софью Ивановну?

А н т и п а. А что? Она - справится...

Ш о х и н. Конечно.

А н т и п а. По богомольям пойдём...

Ш о х и н. Молельщик я плохой...

А н т и п а. За тебя - отец старался...

Ш о х и н. Видно - так. Куда это девать?

А н т и п а. Лекарство? Неси туда...

Ш о х и н. Боюсь, будто...

А н т и п а. А бывало, ничего не боялся.

Ш о х и н. Всё – до разу.

А н т и п а. Трудно, Яков, с людьми жить...

Ш о х и н. Людей-то и не видно, всё – судьи да подсудимые.

А н т и п а. Значит – решили, идём?

Ш о х и н. Что же? Коли вы взаправду – я ничем не связан...

С т ё п к а (вбегают). Ты чего тут? Лошадь, – давай скорей лекарства-то...

(Увидала хозяина – охнула и исчезла.)

А н т и п а. Видал? Вот какой я страшный.

Ш о х и н. Глупая она. Однако – хорошая...

А н т и п а. А хороших пугать – надо ли?

Ш о х и н (уходя). На что их пугать!

(Оставшись один, Антипа несколько секунд смотрит на портрет над столом Софьи, потом прикручивает огонь лампы и снова прибавляет.)

П а в л а (вбежала). Софья Ивановна...

(Увидав Антипу, подалась назад, стоит, наклоня голову.)

А н т и п а (медленно подошёл к ней, коснувшись ладонью лба, откинул голову её, смотрит в глаза). Ну? Что?

П а в л а (тихо). Бейте...

А н т и п а. Ах ты, змея кроткая...

П а в л а. Не мучьте вы меня, бейте...

А н т и п а. За что бить? (Поднимает кулак.)

П а в л а. Скорее – господи!

А н т и п а. За что бить?

П а в л а. Не знаю я... За то, что молода... за то, что ошиблась, думала – вы не такой... за то, что не люблю вас... (Закрыла лицо руками.)

А н т и п а (схватил кисти рук её, открыл лицо и, не выпуская её, хрипит). Уйди... иди прочь!.. Что ты со мной сделала? Что?

П а в л а (опускаясь на пол). Ничего я не сделала...

А н т и п а (выпустил руки её, она упала, он медленно приподнимает ногу, как будто собираясь ударить Павлу, но – присел на пол и, положив голову её на колено себе, гладит голову Павлы, шепчет). Дитё моё – не бойся... Я – не трону – очнись! Дитё моё милое...

С о ф ь я (за дверью). Перестаньте говорить вздор...

М у р а т о в. Но – что же будет с вами?!

С о ф ь я (вошла, бросается к брату). Что ты сделал?

М у р а т о в (испуганно попятился). Чорт возьми...

А н т и п а. Тише...

С о ф ь я (ощупывая Павлу). Обморок?

А н т и п а. Не знаю...

М у р а т о в. Сейчас я доктора позову...

С о ф ь я. Скорее, он во флигеле у Тараканова...

П а в л а (очнулась, оглядывается, Антипе). Уйдите... Соня - уведи меня...

А н т и п а. Ладно.

(Отошёл в тень к двери на террасу, стоит спиной ко всем.)

С о ф ь я. Что такое случилось?..

П а в л а. Он меня хотел прибить...

С о ф ь я (брату). Ты - уйди, пожалуйста...

А н т и п а. Не хочу!

П а в л а (стоит, держась за Софью). Антипа Иванович, вы знаете, я хотела любить вас...

А н т и п а. Не говори про это...

П а в л а. Я хотела, чтоб вы были добрее...

А н т и п а. Н-да...

П а в л а. Но вам никого не жалко, вы никого не любите. За что вы не любите сына? Зачем вы ревнуете его ко мне и гоните его? Он - больной, несчастливый - виноват он в этом?

А н т и п а. А я - виноват, что здоровее его? Виноват, что никудашных людей - не жалко мне? Я - дело люблю, я люблю работу! На чьих костях жизнь строена, чьим потом-кровью земля полита? Не такие люди этому служили, как он да ты! Может он мой труд на себя принять?

С о ф ь я. Довольно...

А н т и п а. От моей да отцовой работы сотни людей сыты живут, в гору пошли. А он - что? Я - грех сделал, так ведь я же и дело делаю, я! Вас, добрых, послушать - всякое дело перед кем-то грех... Неверно это! Отец мой говаривал: коли бедность не убить - греха не избыть, вот это - верно!

П а в л а. Про вас везде нехорошо говорят...

А н т и п а. Ну, так что? Говори! Из зависти говорят, богатый я! И все должны быть богаты, все должны в силе быть - чтобы друг другу не служить, не кланяться... Будут люди жить независимо, без зависти - хороши будут; не достигнут до этого - пропадут в низости своей... Это - Софьины слова, верные слова!

(Софья внимательно смотрит на брата.)

П а в л а. А - Миша?

А н т и п а. Что ж я тут сделаю? Ничего не могу я... Не вижу вины моей пред ним! (Тише.) Может, вот перед тобой виновен... ну, увидал, понравилась... захотелось порадоваться с тобой, отдохнуть... али я отдыха не заслужил?

П а в л а. Господи! Неужели нельзя жить в тихом мире, друг друга, любя друг друга, всех любя?

(Софья задумчиво отходит от нее.)

П а в л а. Ведь надо же иначе жить!

А н т и п а (угрюмо). Начни... начинай...

П а в л а. Милые мои – ведь нельзя так... нельзя жить не любя никого, никого не жалея... Дорогие мои люди – неужели все – враги друг другу?... (Молчание.) Боже мой, боже!.. Есть же что-нибудь неоспоримое... есть же правда где-нибудь!

А н т и п а. Не приготовили её для тебя...

П а в л а. Ведь надо же думать о правде, надо искать её...

С о ф ь я (негромко). Правду – не выдумашь, её надо выработать. Работать нужно, Паша, а не искать... Ничего не найдёшь, – ничего не потеряно...

А н т и п а (угрюмо). Покой души потерян...

С о ф ь я. Покой – не правда...

П а в л а (тоскливо). Не понимаю я вас... ничего не понимаю...

(Целованьева вводит Михаила, он идёт довольно бодро, держась одною рукой за плечо Анны Марковны, улыбается, примирительно протянув другую руку вперед.)

С о ф ь я (тревожно подхватывая его). Зачем ты встал? Как вы позволили?

Ц е л о в а н ь е в а. Просится он...

П а в л а. Ах, господи! Что вы делаете, мамаша?

Ц е л о в а н ь е в а. Ведите, говорит, меня, хочу отца видеть...

М и х а и л. Ничего, тётя Соня...

Ц е л о в а н ь е в а. Он, говорит, сам-то не придёт.

П а в л а. Но разве вы не понимаете...

Ц е л о в а н ь е в а. Ты много поняла! Кричи больше на мать-то...

М и х а и л. Постойте... не шумите... Это все я виноват...

(Софья усадила его в кресло.)

А н т и п а (подходит, быком глядя на сына, глухо говорит). Это напрасно ты... я бы пришёл, погодя... Я и хотел идти... да вот тут... говорили мы...

М и х а и л. Слушай, отец...

С о ф ь я. Тебе вредно говорить...

М и х а и л. Молчать – вреднее...

А н т и п а. Больно поранился?

М и х а и л. Ты меня прости...

А н т и п а. Эх, брат... Ладно! Чего там? Неизвестно, кто виноват...

М и х а и л. Я знаю кто...

П а в л а. Кто же? Кто?

Ц е л о в а н ь е в а. Уж, конечно, люди беззащитные...

С о ф ь я. Вы, Анна Марковна, напрасно...

Ц е л о в а н ь е в а. Нет уж, матушка, вы меня не троньте!..

А н т и п а. Стряпуха божья! Помолчи, Христа ради, а то я те...

С о ф ь я. Антипа – перестань!

А н т и п а (отдуваясь). Ф-фу... Вот ржавчина!

М и х а и л. Подожди, отец, не волнуйся... Ведь всё это – не страшно, больше – смешно...

А н т и п а. Ты – скажешь! Смешно... Эх, Михайло... Нехорошо всё... нехорошо!..

М и х а и л. Не тронь себя...

(В дверях – Муратов делает знаки Софье, она подходит к нему, нервно разговаривают.)

С о ф ь я. Неужели?

М у р а т о в. Да. Всё, говорит, вздор и пустяки, это они с жиру бесятся. И – уехал!

С о ф ь я. Как же быть? Пожалуйста, пошлите вслед за ним Шохина, верхом...

(Муратов, сморщив лицо, уходит.)

А н т и п а (сыну). Ну, что смеёшься?..

М и х а и л. Хочется сказать тебе, отец, что-то хорошее, от души...

А н т и п а (смущён). Вот ещё... Зачем? Ты – помалкивай...

М и х а и л. Видишь ли – ведь я понимаю тебя... я даже тихонько, издали как-то – нередко любовался тобою... любоваться – это уж значит любить...

А н т и п а (удивлён, не верит). Софья, – чу? Вон, что говорит..,

П а в л а (Софье). Ведь ему вредно говорить!

(Софья останавливает её жестом.)

М и х а и л. Ты – топор в руке божьей... в чьей-то великой, строящей руке... И ты, и тетя Соня. Она еще тебя острее... А я вот и все такие, как я, – ржавчина... Я хочу сказать, отец, – я много думал над этим бесполезных людей нет, есть только люди вредные... Ты – не казни себя...

А н т и п а (тронут, наклонился, поцеловал сына в лоб; выпрямился). Ну, господь с тобой... Спасибо, брат! Это мне – хорошо... Помоги тебе бог за то, что сказал так... Отец... отец, брат Михайло, это тоже ведь не просто – мясо, это – живой человек с душой, он тоже – любит! Ведь нельзя не любить-то! Нельзя – все радости в любви...

П а в л а (тихонько плачет). Господи... не понимаю я...

А н т и п а (ей, торжествуя). Видишь? (Сыну.) Ведь я тебя – как знаю? Когда ты ещё языком не владал – я уж боялся за тебя, сын... я думал про тебя: вот будет человек – самый близкий мне, вот это он и возьмёт на себя и труды и грехи мои, возьмёт, оправдает всю мою жизнь...

М и х а и л (очень взволнован). Нечем взять... Мне нужно – тетя Соня...

(С ним – обморок. Софья бросается к нему, Павла испуганно отскочила, Антипа опустился на колени, Целованьева около дочери, в дверях – Муратов.)

П а в л а (громким шопотом). Скончался!

С о ф ь я. Перестань.

Ц е л о в а н ь е в а. Доконали...

А н т и п а. Что с ним, а? Софья? Где доктор-то?

С о ф ь я. Доктор уехал... Дайте воды...

П а в л а (мечется). Вот... ну разве нельзя было придти к нему? Ах, жестокие!..

М у р а т о в (негромко). Вы бы не шумели!

П а в л а (сердито). Ах, оставьте... Что вам нужно? Не люблю я вас...

М у р а т о в (кланяясь). Это меня почти не огорчает...

М и х а и л (очнулся). Положите меня...

С о ф ь я (брату, Муратову). Берите его!

М и х а и л. Ничего, я могу...

(Отец и Муратов ведут его.)

М и х а и л (усмехаясь). Вот в каком я почете...

П а в л а (останавливая Софью). Что мне делать, что? Скажи...

С о ф ь я. Подожди, нужно к Мише...

П а в л а. Я тоже, кажется, умру, - скажи, что же, куда же я?

С о ф ь я. Подумай сама... Антипе ты - не жена, Михаилу - не сестра...

Ц е л о в а н ь е в а. Говорила я тебе - не надобно продавать свой-то угол!..

П а в л а. Оставь, мама!..

Ц е л о в а н ь е в а. Куда теперь спрячешься?..

С о ф ь я. Ты, Павла, много говоришь о любви, но - любить не умеешь ещё. Когда любят - всё ясно: куда и, что делать... всё делается само собою, и никого, ни о чём не надо спрашивать...

Ц е л о в а н ь е в а. Вот, вот!.. Без спроса живи... да! Очень хорошо учат тебя...

С о ф ь я. В солнечный день не спрашивают - отчего светло? А в твоей душе, видно, не взошло ещё солнце-то...

Ц е л о в а н ь е в а. Не слушай, Павла, речи эти, ой, не слушай!

С о ф ь я. А вы, Анна Марковна, много вреда приносите дочери вашей...

Ц е л о в а н ь е в а. Ещё бы те! Кто больше матери вреден? Нет, матушка, уж вы позвольте...

С о ф ь я (уходя). Я знаю, что с вами бесполезно говорить к об этом, простите, сорвалось...

Ц е л о в а н ь е в а. Иди, беги к любовнику-то скорее!..

П а в л а. Это - неправда! У неё нет любовника.

Ц е л о в а н ь е в а (спокойно). Нет, так будет...

П а в л а (ходит по комнате). Не взошло солнце...

Ц е л о в а н ь е в а. А ты - верь ей! Не про солнце надо думать, а про себя - как самой прожить тихо и с удовольствием... Все хотят жить с удовольствиями.

Разбойника этого надобно тебе оставить, и барыня эта не подруга тебе – она тоже воровой породы. А мы – люди тихие. Деньги у тебя есть свои – двадцать пять тысяч... И ещё я... Со своими деньгами можно жить как хочешь: свой целковый – родного брата дороже... Мне в этом доме – тоже не привольно, а мне пора отдохнуть – сорок три года мне!.. Кто я тут?

П а в л а. Не про то вы говорите, не то! Зачем я вышла из монастыря?

Ц е л о в а н ь е в а. Со своим капитальцем и в монастыре барыней проживёшь. И я бы с тобой... Нет подружки верней родной матери... она всё понимает, всё прикроет...

П а в л а. Стойте... идёт кто-то...

Ц е л о в а н ь е в а. Уйти бы нам, а? Гляди, полиция скоро приедет.

П а в л а. Зачем?

Ц е л о в а н ь е в а. А как же? Я послала...

(Муратов входит.)

П а в л а. Ну, что он?

М у р а т о в. Устал, дремлет...

П а в л а. Он ведь не умрёт?..

М у р а т о в. Со временем непременно умрёт...

П а в л а. Когда? Не сейчас?

М у р а т о в. Точно не знаю когда...

Ц е л о в а н ь е в а. Вы бы, батюшка, не издевались над простодушием нашим...

П а в л а. Оставьте, мама! Ведь рана не опасная?

М у р а т о в. Револьверишко – слабый, пуля маленькая, скользнула по ребру и вышла в боку – это безопасно...

П а в л а. Ах, слава богу, слава богу!.. Василий Павлович, кажется, я сказала вам давеча дерзко...

М у р а т о в. О, не беспокойтесь! Я знаю христианские ваши чувства...

П а в л а. Я даже и не помню, что сказала...

М у р а т о в. Пустяки... уверяю вас...

Ц е л о в а н ь е в а. Встрёпана ты очень, Паша...

П а в л а (взглянув в зеркало). Ой, ужас! Что ж вы раньше-то не сказали?

Ц е л о в а н ь е в а. Время не было...

П а в л а. Вы – извините, я уйду...

М у р а т о в. О, пожалуйста...

П а в л а. Так что – Миша скоро встанет?..

М у р а т о в. Не знаю... Доктор сказал, что организм его очень истощён пьянством и распутством...

П а в л а. Ой, как вы...

Ц е л о в а н ь е в а. А ты иди-ка, иди! Не тебя это касается...

(Муратов садится в кресло у стола, согнулся, схватил голову руками, имеет вид человека, которому очень тяжело. Входит Софья, при виде Муратова её усталое лицо становится суровым. Он поднял голову, медленно выпрямился.)

С о ф ь я. Вы, вероятно, устали?..

М у р а т о в. А вы?

С о ф ь я. Да, немножко...

М у р а т о в. Нужно отдохнуть. Я сейчас уйду. Но - прежде позвольте мне поставить один вопрос?

С о ф ь я (не сразу). Ставьте.

М у р а т о в. Я хочу подать прошение о переводе во Владыкинское лесничество - вы знаете, там лесничий застрелился...

С о ф ь я. Да, знаю...

М у р а т о в. Но если б я остался здесь - мог ли бы я рассчитывать...

С о ф ь я (ударив чем-то по столу, решительно). Нет!

М у р а т о в. Позвольте, вы не дослушали! Я хотел спросить - могу ли я рассчитывать, что ваше отношение ко мне изменится...

С о ф ь я. Я поняла вопрос.

М у р а т о в (встал, усмехаясь). Шохин убил человека, но, право, вы относитесь к нему милостивее, чем ко мне.

С о ф ь я (не сразу). Может быть... вероятно... Что такое - Шохин? Он - честный зверь, он думал, что это его долг - убивать людей, которые крадут добро его хозяина. Но - он понял, что сделал, и всю жизнь не простит себе этого, теперь он относится к людям иначе...

М у р а т о в. Вы - ошибаетесь... как всегда...

С о ф ь я. В вашем лесничестве за семь лет ваши Шохины убили и изувечили несколько десятков человек...

М у р а т о в. Ну, не так много...

С о ф ь я. А сколько посажено в тюрьмы, сколько разорено семей из-за вязанки хвороста! Вы это считали?

М у р а т о в. Нет, конечно. И какое вам дело до этой статистики? Сударыня - всё это романтизм! Как бы вы приказали поступать с ворами?

С о ф ь я. Не знаю, но - не так! Ведь вот у нас - не воруют...

М у р а т о в. Н-но! Это - не факт, а только видимость, как говорит доктор, тоже романтик.

С о ф ь я. Нам нужно кончить этот разговор, - он возникает с каждой встречей...

М у р а т о в. Вы совершенно напрасно спорите со мною...

С о ф ь я (встала). Послушайте, Василий Павлович: да, вы для меня хуже Шохина, хуже любого пьяного мужика - мужика можно сделать человеком, - вы что-то безнадежное... Мне не очень легко сказать вам это...

М у р а т о в. Не идёт к вам романтизм, хозяйка!..

С о ф ь я. Нелегко видеть вас таким, каков вы есть. Умный, образованный человек без любви к людям, без желания работать, - это меня отталкивает. Я видела, как

вы гасли, как вы быстро теряли себя, развращали других.

М у р а т о в. Пять минут назад я слышал, как Анна Марковна мудро сказала: все хотят жить с удовольствиями! Это очень верно. Что стоят все эти якобы развращённые мною люди вместе с нашим племянником? Я раздавлю их, кто-то другой, или они сами медленно передавят друг друга – не всё ли равно?

С о ф ь я. Быть Мефистофелем в уездном городе – это очень легко, вы бы попробовали быть честным человеком!

М у р а т о в. Недурно сказано! Но что значит – честный человек?

С о ф ь я. Нам не о чём говорить.

М у р а т о в. То есть – вы не можете ответить. Ужасно одиноки вы... одиноки и бессильны!

С о ф ь я. Это неправда! Есть где-то люди, которые чувствуют жизнь так же, как я. Ведь ничего нельзя выдумать, можно только принять в душу свою то, что есть в жизни. В моей душе есть светлое – значит, оно есть и вне моей души; в моей душе есть вера в возможность иной жизни – значит, она есть в людях, эта благая вера! Я многого не понимаю, я плохо образованна, но я чувствую: жизнь – благо, и люди – хороши... А вы всегда лжёте на людей... и даже – на себя...

М у р а т о в. Я всегда говорю правду...

С о ф ь я. Это правда ленивых, самолюбивых, обиженных, что-то злое, гнилое. Это – издыхающая правда!

М у р а т о в. До сего дня она считалась бессмертной.

С о ф ь я. Нет, – живёт и растёт другая... Есть другая Русь, не та, от лица которой вы говорите! Мы – чужие люди... Не попутчица я вам, и – мы кончили, надеюсь?

М у р а т о в (взял с камина шляпу). Увы, но я уверен, что по пути к этой другой правде вы сломите себе шею, – pardon! Бросьте-ка вы все эти фантазии и примите мою руку – руку человека интересного – э?

(Софья молчит, смотрит на него.)

М у р а т о в (отступая к двери). Подумайте! Мы поехали бы в Европу, в Париж – это гораздо забавнее города Мямлина. Вы – молодая, красивая, в Европе очень умеют ценить красивых женщин – сколько наслаждений ждёт вас! Я же – не ревнив, ваши маленькие шалости будут даже приятны мне... Мы бы прекрасно сожгли жизнь, э?

С о ф ь я (вздвигнув, тихо, с отвращением). Ступайте...

М у р а т о в. Это меня огорчает...

А н т и п а (сзади его, в дверях). Ну-ка, посторонись...

М у р а т о в. Н-ну-с? Прощайте...

А н т и п а. Прощай! (Сестре.) Уснул Михайло-то... Хорошо мы с ним поговорили... (Присматривается к ней, обернулся к двери.) Опять этот, бес зелёный, наплёл чего-нибудь? На что ты его привечаешь?..

С о ф ь я. Давно... лет шесть тому назад, человек этот нравился мне...

А н т и п а. Молода была... Уйти мне, что ли?

С о ф ь я. Подожди... Как хочешь...

А н т и п а (помолчав). Может, Михайло-то теперь меньше пить будет... а, Соня?

С о ф ь я. Что?

А н т и п а. Ну, ладно! Думай своё, я пойду...

С о ф ь я. Что ты спросил?

А н т и п а. Миша-то, мол, может, меньше пить станет...

С о ф ь я. Не думаю. Едва ли. Ты – не трогай его, оставь его мне...

А н т и п а. Я готов всё тебе оставить... А как же... с этой?

С о ф ь я. Отпусти её...

А н т и п а (тихо). Куда это?

С о ф ь я. Куда хочет...

(Антипа сел, молчит.)

С о ф ь я (подошла к нему). Что ты придумашь иначе?

А н т и п а (угрюмо). Не в нашем это быту – с женами разводиться!

С о ф ь я. Какая она жена тебе? Ведь только мучиться будешь с ней...

А н т и п а. Нет, это не годится... Лучше я сам уйду. Брошу всё на тебя и уйду куда глаза глядят... Не для чего теперь жить мне... Эх, горько, что ты бездетна!

С о ф ь я (отошла, сурово). Кто меня за умирающего замуж выдал?

А н т и п а. Ну – я! Ладно уж. Зато – богатая ты, первая в уезде. Сильнее всех дворянишек... А дети... они не только от мужей бывают...

С о ф ь я. Милостив ты, да – поздно!

А н т и п а. Эх, Соня, Соня...

С о ф ь я. Что – эх? Никуда ты не уйдёшь, вздор это!

А н т и п а (задумчиво). Стыдно стало мне. Не так всё... не то! Греха – не боюсь; печаль – не люблю я... А меня – печаль одолевает, с ней – не жить, не работать...

С о ф ь я. Мне – не легче твоего, и печаль моя горше твоей, а я – не прячусь... Знал бы ты, как мучительно потерять уважение к человеку, как от этого сердце болит.. Знал бы ты, как я искала хороших людей, как верила найду! Не нашла... Поищу ещё... да...

А н т и п а. Несчастливы мы с тобой, Софья. Враги всё около нас.

С о ф ь я. Кабы – умные! Умный враг – всегда хороший учитель...

А н т и п а. Чему – учитель?

С о ф ь я. Сопротивлению. Вот – муж мой враг был мне, – а я его уважаю... многому он научил меня!.. (Подошла к брату, положила руку на голову его.) Ну, довольно! Остались мы с тобой одни, и будем жить – одни. А может, придут хорошие люди, поучат, помогут! Ведь есть же хорошие люди?..

А н т и п а (задумчиво). Коли себя хорошим не покажешь – не найдёшь хорошего. Это – твои же слова...

С о ф ь я. Вот и покажи! Ты – встряхнись. Вспомни: когда ты уступал, кому? Надо ли горю уступать? Не надо уступать!

А н т и п а (встал, расправил плечи, смотрит на сестру, усмехаясь). Просто всё у тебя, Софья, откуда это у тебя, господь с тобой? Давай-ка, обнимемся, единая ты моя... спасибо тебе!

(Обнялись, Антипа смахивает слёзы.)

Антипа. Ну, давай жить, давай спорить! Эх, начну теперь делами ворочать – земля поколеблется...

Софья. Вот это – больше на тебя похоже! Теперь ты – уйди... Мне надобно побыть одной... иди, милый! Мы с тобой – друзья, это хорошо!

Антипа. Не говори – зареву...

Шохин (в двери). Исправник приехал с понятами.

Антипа (сердито). Что? Зачем?

Софья. Кто звал?

Шохин. Анна Марковна Василья посылала...

Антипа. Ну, я ж её...

Софья. Стой, я сама устрою всё! Не вмешивайся в это – не ходи туда...

Антипа (порываясь). Нет, я её – в окошко выкину, с дочкой вместе...

(Шохин широко улыбается.)

Софья. Шохин, не пускайте его. Слышишь? Сиди спокойно...

Антипа (мечется по комнате). Полицию позвали... на-ко вот, а? Ты чего рожу растянул?

Шохин. Ничего...

Антипа. То-то! Думаешь, я и вправду пойду с тобой? Нет, уж пускай другие отступят, а я останусь на своём месте... Полицией пугают!.. (Остановился против Шохина.) И тебе идти некуда – брось это! За тобой грех пред людьми, на людях и оправдай его...

Шохин. Да ведь теперь я тоже останусь... Теперь, чай, не мне уходить...

Антипа. Ну, вот... Шататься – стыдно! Вон – хозяйка-то наша, Софья-то Ивановна, как себя держит... а ведь – женщина!

Павла (вбегает). Антипа Иванович, там пришли...

Антипа (жестом останавливая её). Знаю! Полиция там... Ты – иди, с богом! Тебе бояться нечего, это твоя же мать позвала полицию. Ты – иди себе!.. Уходи...

Павла (с тревогой). Куда?

Антипа (отвернулся). Это – твоё дело... Прощай...

Павла. Куда же?..

Антипа. Мать – укажет... Прощай...

(Павла медленно уходит, Шохин уступает ей дорогу, наклонив голову, Антипа идёт к двери на террасу, остановился там, прислонясь лбом к стеклу. Шохин тяжело вздохнул.)

Антипа (не оборачиваясь, глухо). Прощай!

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в 1913 или 1914 году отдельной книгой в издательстве

Зыковы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
И.П.Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания); в России до Октябрьской революции было опубликовано только первое действие пьесы в журнале "Современник", 1915, No 1, январь.

Пьеса написана, как явствует из переписки М.Горького с И.П.Ладыжниковым, не позднее лета 1913 года. Дата цензурного разрешения пьесы к представлению на сцене – 30 октября 1913 года.

Начиная с 1923 года, пьеса включалась во все собрания сочинений; печаталась по тексту издания И.П.Ладыжникова.

После опубликования "Зыковых" издательством И.П.Ладыжникова М.Горький вновь отредактировал текст пьесы.

Печатается по тексту машинописной копии, заново отредактированному автором и сверенному с рукописью (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!